595 Сем
П-15

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ 8 В 2
Полка 2 № 22.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

И

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ

СЕМИРѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

на 1901 годъ.

Изданіе Семирѣченскаго Областного Статистическаго Комитета.

251/40

1901
Типографія Семирѣченскаго Областн. Правленія.
гор. ВѢРНЫЙ.

ПОСЛѢДНІЙ ЭПИЗОДЪ

ДУНГАНСКАГО ВОЗСТАНІЯ(*).

(Маленькая страница изъ прошлой жизни Семирѣчья).

«Ей, Господи, Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего».
(Изъ молитвы Ефрема Сирина).

«Еже ся описахъ, еже не дописахъ, еже переписахъ, чтите и исправляйте, Бога для, не кляните».
(Изъ лѣтоп. Нестора).

I.

Осень 1877 года въ южной части Семирѣчья, а именно въ Пишпекскомъ (прежде Токмакскомъ) и Иссыкъ-кульскомъ (нынѣ Пржевальскомъ) уѣздахъ была съ самаго начала замѣчательно холодная и дождливая. Со второй половины сентября почти каждый день безпрерывно шелъ дождь и въ послѣднихъ числахъ сталъ уже падать снѣгъ; такая погода съ незначительными промежутками продолжалась и въ теченіи всего октября, съ тою только разницею, что чаще падалъ снѣгъ. Съ каждымъ днемъ становилось все холоднѣе и холоднѣе, тяжелыя свинцоваго цвѣта тучи нависалй все ниже и ниже, густой туманъ непроницаемой пеленой уже давно скрылъ отъ взоровъ нетолько вершины могучаго Александровскаго хребта, но и мелкіе отроги и невысокія предгорья были покрыты снѣгомъ. Въ первой половинѣ ноября

(*) Такъ называемое въ новѣйшей исторіи знаменитое дунганское возстаніе обнимаетъ собою время около 18—19 лѣтъ. Точно и до сихъ поръ не удалось установить время, когда именно оно началось. Одни писатели относятъ начало его къ 1860—1861 годамъ, другіе года на два позже, т. е. къ 1863 г. По свѣдѣніямъ, собраннымъ нами отъ самихъ дунганъ, мы должны отнести начало ихъ возстанія къ 1861 году. Сообщаемые здѣсь факты собраны нами отъ самихъ дунганъ, участвовавшихъ въ возстаніи и игравшихъ въ немъ видную роль. Точно также часть свѣдѣній нам и собрана отъ очевидцевъ русскихъ, бывшихъ первыми свидѣтелями прибытія ихъ въ русскіе предѣлы. Сообщаемые факты обнимаютъ собою время со дня прихода дунганъ въ укрѣпленіе Нарынъ и до водворенія ихъ въ Пишпекскомъ уѣздѣ Семирѣченской области.

уже установилась настоящая зима, какъ въ Россіи или Сибири. Снѣгу выпало вездѣ много, нетолько горы и ущелья, но и долины на далекомъ разстояніи отъ горъ были покрыты глубокимъ его слоемъ. Декабрь мѣсяцъ былъ еще болѣе снѣжный и холодный, рѣдкій день проходилъ безъ бурановъ. Небо все время сплошь было покрыто сѣрыми облаками, которыя становились еще мрачнѣе и тяжелѣе и спускались еще ниже надъ землею. Солнце рѣдко выглядывало изъ-за тучъ, а если и показывалось иногда, то лишь на короткое время, притомъ оно выглядѣло такимъ блѣднымъ, жалкимъ и маленькимъ, что совсѣмъ не грѣло. Все это приводило въ немалое смущеніе бѣдныхъ кочевниковъ. Наступившіе ранніе холода и большое количество выпавшаго снѣга застали киргизовъ врасплохъ, и эти вольные сыны степей, еще такъ недавно беззаботные и безпечные, поневолѣ должны были, что называется, съежиться, войти въ себя, замкнуться. Неслышно стало по ауламъ веселой рѣчи взрослыхъ, беззаботнаго, невиннаго смѣха дѣтей, а постоянные сѣрые дни еще болѣе наводили на всѣхъ тоску и уныніе; съ каждымъ днемъ они становились болѣе и болѣе печальными, угрюмыми и скучными. Движенія ихъ сдѣлались вялы и нерѣшительны, въ голосѣ каждаго слышались недовольство и раздражительность, а въ тускломъ взглядѣ выражалось отчаяніе и полная безпомощность. Передъ грозно разыгравшейся стихіей, всѣ присмирѣли и пріумолкли, невольно предчувствуя тяжелую бѣду... и предчувствіе это не обмануло бѣдныхъ кочевниковъ. По словамъ старожиловъ-туземцевъ, такихъ продолжительныхъ, и притомъ рано начавшихся холодовъ, и такого большого количества выпавшаго снѣга еще не бывало на ихъ памяти; всѣ недоумѣвали ввиду появленія столь ранней и притомъ необыкновенно суровой зимы и терялись въ объясненіи причинъ ея появленія; хотя предположеніямъ и догадкамъ не было конца, большинство наконецъ успокоилось на томъ убѣжденіи, что это русскіе принесли съ собою такую суровую и жестокую зиму, ибо до прихода послѣднихъ ничего подобнаго никогда у нихъ не бывало, и странное дѣло, это объясненіе всѣмъ пришлось по душѣ, всѣ кочевники въ простотѣ сердца и своего дѣтскаго ума этому повѣрили и на этомъ успокоились. Положеніе ихъ однакожъ не улучшилось. Понятное дѣло, что такая зима сразу же дала себя

знать тяжело и больно киргизамъ-кочевникамъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ разсчитывая на теплую зиму, они и не думали запасаться достаточнымъ количествомъ корма для скота, но не приготовили также удовлетворительнаго количества запасовъ продовольствія для себя, почему имѣвшіеся небольшіе запасы того и другого скоро у нихъ истощились, и скотъ, это главное богатство киргизовъ, началъ падать, сначала болѣе крупный, т. е. лошади и быки, а вслѣдъ за симъ начали валиться и бараны—этотъ почти единственный и главный источникъ питанія и благосостоянія нашихъ кочевниковъ. И такимъ образомъ къ существовавшимъ уже ранѣе среди нихъ бѣднякамъ, вскорѣ прибавилось очень много новыхъ. Богачъ здѣсь находится въ зависимости исключительно отъ благоволенія къ нему силъ природы. Но болѣе другихъ своихъ собратьевъ страдали киргизы, жившіе въ при-нарынскихъ волостяхъ: имъ особенно приходилось тяжело и жутко!.. Не занимаясь почти нисколько посѣвомъ, живя же исключительно скотоводствомъ, они обыкновенно въ началѣ, а иногда и въ срединѣ осени отправлялись за покупкою хлѣба въ другія болѣе хлѣбородныя мѣста, главнымъ же образомъ въ сел. Токмакъ, но на этотъ разъ не успѣли сдѣлать во-время даже тѣхъ небольшихъ запасовъ хлѣба, которые они при своей обычной безпечности дѣлали обыкновенно ранѣе, такъ какъ глубокимъ снѣгомъ завалило всѣ проходы, и бѣдные киргизы оказались крѣпко запертыми въ своихъ узкихъ долинахъ. Вскорѣ они поняли весь ужасъ своего положенія; но парализованные постигшимъ ихъ бѣдствіемъ, они не въ состояніи были помочь сами себѣ,— а другіе, болѣе счастливые, совсѣмъ не знали объ ихъ тяжеломъ положеніи, вслѣдствіе отдаленности и невозможности проникнуть къ нимъ за отсутствіемъ въ такое время года какихъ бы то ни было путей и средствъ сообщенія; но менѣе всего эти несчастные могли помочь сами себѣ...

Одно несчастіе обыкновенно влечетъ за собой другое, такъ было и въ данномъ случаѣ. За падежемъ скота скоро обнаружился недостатокъ въ хлѣбѣ, запасовъ котораго, правда, и ранѣе у нихъ бывало всегда не много, но за тѣмъ скоро появился недостатокъ и въ топливѣ... Никогда не запасая послѣдняго, оно оказалось погребеннымъ подъ толстымъ слоемъ льда и сверхъ того покрытымъ глубокимъ

снѣгомъ, заваливавшимъ его съ каждымъ днемъ все глубже и глубже и несчастной, изнуренной голодомъ и холодомъ бѣдной киргизкѣ сдѣлалось наконецъ не подъ силу добывать это топливо, чтобы хотя немного согрѣть свою страждущую семью — Не одну изъ нихъ находили при такихъ условіяхъ замерзшею и лишь только отчаянные и дикіе вопли бѣдныхъ дѣтей, измученныхъ ожиданіемъ долго невозвращающейся матери, далеко разносились вѣтромъ, давая знать сосѣдямъ о новой унесенной жертвѣ, о новомъ несчастіи, постигшемъ ихъ собратьевъ, и окружающіе еще болѣе падали духомъ. Страдая отъ холода и терпя голодъ, бѣдные кочующіе сыны степей кое какъ жались въ своихъ юртахъ, разставленныхъ въ узкихъ и глубокихъ долинахъ при-нарынскихъ горъ. Жалобно ревѣла по ауламъ скотина, слабо разгребая своими обезсилѣвшими ногами глубокій снѣгъ и глухо стуча копытами о толстую ледяную кору, подъ которою скрывался столь желанный дорогой кормъ. Чаще и чаще раннимъ утромъ наступающаго дня раздавался рѣзкій плачъ и отчаянный вопль киргизокъ — женъ и матерей (*) Былъ ли то плачъ о преждевременно унесенныхъ въ могилу жертвахъ или это былъ плачъ о собственномъ тяжкомъ и несчастномъ положеніи какъ самой себя, такъ и окружающихъ ее, еще оставшихся въ живыхъ, и которыхъ ожидаетъ въ скоромъ времени такая же печальная участь, сказать трудно. Но тщетно плакали и взывали эти люди о помощи, а безпрестанно господствовавшіе вьюги и снѣжные бураны точно еще болѣе старались заглушить постигшее ихъ бѣдствіе, чтобы никто не слышалъ ни жалобныхъ стоновъ животныхъ, ни раздирающихъ душу людскихъ воплей; разыгравшіяся и разбушевавшіяся въ своей ярости стихіи какъ будто задались цѣлью, чтобы сюда не проникъ ни одинъ взглядъ состраданія, ни одно слово участія, и одни только угрюмые вѣковые скалы и утесы, укутанные густыми сѣрыми тучами, низко нависшими надъ землею, были безмолвными свидѣтелями человѣческихъ проклятій и слезъ. Длинными и до боли однообразно скучными кажутся этимъ бѣднякамъ

(*) У киргизовъ Пишпекскаго уѣзда (собственно кара-киргизовъ) есть обычай, что жены по своимъ умершимъ мужьямъ и близкимъ родчымъ съ наступленіемъ утра, обратившись лицомъ на западъ, громко плачутъ Плачъ этотъ раннимъ утромъ далеко разносится по степи.

короткіе зимніе дни, но еще болѣе мучительно безконечными тянутся для нихъ длинныя ночи, а къ вечеру тучи еще сильнѣе сгущаются, опѣ еще ниже спускаются надъ долинами и тяжелѣе давятъ, а вѣтеръ, постепенно усиливаясь, переходитъ въ яростный и страшный буранъ, длящійся почти всю ночь, разнообразныя завыванія котораго разстроенному воображенію голоднаго кочевника представляются сонмищемъ злыхъ духовъ, злобно издѣвающихся надъ его безсиліемъ и безпомощностью, и бѣдняку-киргизу кажется, что само небо въ эту минуту неспособно услышать обращенныхъ къ нему его горячихъ молитвъ, если бы только они могли молиться въ эти минуты.

Страшенъ голодъ въ странахъ культурныхъ и благоустроенныхъ, но здѣсь люди обладаютъ быстрыми способами передвиженія и могутъ поэтому довольно скоро подать одинъ другому руку помощи и тѣмъ спасти своего ближняго отъ страшной и мучительной смерти, но невозможно себѣ представить, во сколько разъ страшнѣе и ужаснѣе голодъ въ странахъ дикихъ или мало культурныхъ, гдѣ пути сообщенія плохо устроены или же находятся въ зачаточномъ состояніи, и гдѣ на пути стоятъ во всеоружіи грозныя естественныя преграды, трудно преодолѣваемыя въ извѣстное время года, а для народа пастушескаго они совсѣмъ и непреодолимы; въ такихъ странахъ и въ такихъ случаяхъ о подачѣ быстрой и скорой помощи нуждающимся не можетъ быть и рѣчи и, какъ напр. голодающимъ кочевникамъ, живущимъ въ своихъ небольшихъ и узкихъ долинахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ исполинскими горами, ущелья которыхъ и проходы завалены глубокимъ снѣгомъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, правда къ счастію рѣдко случающихся, они исключительно предоставлены самимъ себѣ, почему и вѣсть объ ихъ мученіяхъ и переносимыхъ ими жестокихъ страданіяхъ рѣдко когда своевременно доходитъ до цивилизованнаго міра, если же и случается, что узнаютъ объ этомъ, то узнаютъ, по большей части, слишкомъ поздно, когда всякая помощь оказывается уже ненужной и безполезной. Почему страшныя мученія голода здѣсь еще болѣе усиливаются отъ горькаго и тяжелаго сознанія своей полной изолированности и отчужденности отъ всего остальнаго міра!

Трудно, конечно, сказать, какія картины и образы проходятъ въ воображеніи такихъ несчастныхъ страдальцевъ, но только мысль о надеждѣ на помощь остается имъ чуждою и въ разстроенномъ ихъ воображеніи проходятъ только картины одна другой мрачнѣе и тяжелѣе; прекрасныя и роскошно цвѣтущія въ лѣтнее время ихъ родныя долины, полныя нѣги и ласки,—теперь имъ представляются днемъ могилы, а массивные и величественные хребты горъ, уходящіе въ заоблачную высь небесъ, кажутся имъ не болѣе какъ высокими и мрачными стѣнами той же могилы. Безпомощность и безнадежность полнѣйшія! Въ описываемую нами зиму страшное несчастіе—падежъ скота и голодъ—постигло отдаленные и глухіе наши аулы, главнымъ образомъ пострадали аулы нѣсколькихъ при-нарынскихъ волостей, и несчастные кочевники, очутившіеся въ такомъ безвыходномъ и горькомъ положеніи, только плакали, молились и посылали проклятія, но все это было тщетно, природа въ своемъ грозномъ и суровомъ величіи точно торжествовала и издѣвалась надъ безсиліемъ и безпомощностью этихъ жалкихъ и ничтожныхъ людей, точно она жаждала ихъ слезъ, молитвъ и проклятій! .. Но не однимъ этимъ киргизамъ приходилось такъ плохо въ роковую зиму 1877 года, было немало еще и другихъ несчастныхъ страдальцевъ.

II.

Въ послѣднихъ числахъ декабря, многіе даже точно называютъ день, а именно 27 или 28 число, того же несчастнаго, но къ счастію для многихъ уже оканчивавшагося 1877 года, когда уже день склонялся къ вечеру, въ укрѣпленіе Нарынъ, утопая по поясъ въ снѣгу, совершенно неожиданно прибыла толпа людей обоего пола и всякаго возраста, начиная отъ грудныхъ младенцевъ и кончая восьмидесятилѣтними стариками. Опредѣлить теперь численность прибывшихъ въ то время трудно, такъ какъ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній объ этомъ нигдѣ не имѣется; сами прибывшіе также говорятъ различно, одни передаютъ, что ихъ было не менѣе шести тысячъ человѣкъ, другіе называютъ цыфру еще большую, а третьи напротивъ показываютъ гораздо меньшее число, но изъ показываемыхъ чиселъ взявъ среднее, надо полагать, что ихъ прибыло не менѣе трехъ съ половиною или четы-

рехъ тысячъ душъ обоего пола. Прибывшіе поистинѣ являли собою видъ ужасный, у многихъ изъ нихъ были отморожены руки и ноги, болѣе счастливыми считали себя тѣ, кто поплатился легкимъ обмороженіемъ лица и ушей; у другихъ рядомъ съ свѣжими и широкими рубцами были видны также новыя, еще незажившія и гноящіяся раны; судя по формѣ послѣднихъ, онѣ причинены были самымъ разнообразнымъ и разнохарактернымъ оружіемъ; у нѣкоторыхъ изъ прибывшихъ эти раны были перевязаны кое какими грязными, нерѣдко разноцвѣтными, тряпками, а у большинства даже совсѣмъ ничѣмъ не прикрыты. Одежда по формѣ и покрою какъ у мущинъ такъ и у женщинъ ничѣмъ особеннымъ не отличалась, не отличалась она и по цвѣту. На каждомъ почти можно было встрѣтить китайскаго покроя халаты, стеганые на ватѣ, одежду же подбитую какимъ либо мѣхомъ, хотя бы и недорогимъ, довольно рѣдко можно было видѣть на комъ либо.

Всѣ женщины, какъ и мущины, одѣты были въ широкіе ватные штаны, плотно завязанные тесемками у ступни. Обувь же была болѣе разнообразна и разнохарактерна, и, какъ видно было, она скорѣе зависѣла отъ степени находчивости и изобрѣтательности владѣльца своего, нежели отъ его средствъ и достатка. Начиная съ китайскихъ башмаковъ и кончая одними чулками, сшитыми кое какъ изъ куска необдѣланной овчины шерстью внутрь—это была конечно лучшая обувь, но у очень многихъ совсѣмъ невозможно было опредѣлить ни формы обуви, ни матеріала, изъ котораго она была сдѣлана; у другихъ ноги были обвернуты въ кое-какія тряпки, изъ подъ размотавшихся концовъ которыхъ виднѣлись отмороженные пальцы ихъ несчастнаго владѣльца; у нѣкоторыхъ обувью, вѣрнѣе подметками, служили только небольшія деревянныя дощечки, привязанныя къ ступнѣ тонкими веревками, нерѣдко даже волосяными, а у менѣе счастливыхъ и такой обуви не имѣлось... Громадное большинство изъ числа прибывшихъ шло пѣшкомъ, такъ какъ не только для всѣхъ женщинъ и дѣтей недоставало лошадей и быковъ, но ихъ недоставало даже и для наиболѣе ослабѣвшихъ и выбившихся изъ силъ полузамерзшихъ стариковъ и женщинъ съ дѣтьми. Окоченѣвшіе отъ холода и изнуренные голодомъ и продолжительностью и трудностью

пути, они съ трудомъ передвигали ногами, и нѣкоторые изъ нихъ, напрягая послѣднія усилія и сдѣлавъ нѣсколько безполезныхъ шаговъ... падали тутъ же на глубокій и мягкій снѣгъ, чтобы болѣе уже никогда не вставать,—прочіе проходили мимо нихъ, какъ бы ничего не замѣчая, да въ теченіе столь долгаго времени они повидимому уже и привыкли къ подобнымъ картинамъ, такъ какъ никто на это не обращалъ вниманія; среди приведшихъ это было, какъ видно, обыденнымъ явленіемъ, да и помочь горю, облегчить страданія своихъ ближнихъ, болѣе здоровые изъ нихъ были не въ состояніи. Обезсиленныя матери не въ силахъ были держать своихъ полузамерзшихъ грудныхъ дѣтей, и послѣднія незамѣченными часто выпадали изъ ихъ окоченѣвшихъ рукъ. Ужасъ и отчаяніе читались на лицахъ прибывшихъ... и улицы всегда глухого и пустыннаго небольшого укрѣпленія Нарына огласились вдругъ тысячами душу раздирающихъ воплей.... Вглядываясь въ эту пеструю и чуждую для непривычнаго глаза толпу, невозможно себѣ нетолько нарисовать, но и сколько нибудь удовлетворительно представить - полную картину тѣхъ мученій, борьбы и тѣхъ тяжкихъ лишеній, которыя переносили эти люди. Только одна жестокость людская, безконечная и безграничная въ своей злобѣ и ненависти, способна заставить себѣ подобныхъ въ такое совсѣмъ неурочное время года переходить съ дряхлыми стариками и грудными дѣтьми Тянь-шаньскія высоты, трудно переходимыя даже въ лучшую пору лѣта, такъ какъ большинство горныхъ проходовъ и перевваловъ, заключающихся въ горахъ Тянь-шаня, только лѣтомъ, да и то на очень короткое время, свободны отъ снѣга, все же остальное время года они покрыты глубокимъ снѣгомъ, почему и равнины, узкія и короткія, заключающіяся между этими перевалами, въ теченіи восьми—девяти длинныхъ мѣсяцевъ, представляютъ собою одну только сплошную снѣжную пустыню... Тихо и мертво здѣсь вокругъ на далекія разстоянія... За рядомъ высокихъ горъ съ остроконечными пиками открывается другой рядъ горъ еще болѣе высокихъ и еще болѣе массивныхъ, вершины которыхъ теряются въ безконечной выси, и кажется, что и конца имъ нѣтъ. Тишина здѣсь нарушается только воемъ вѣтра да глухимъ шумомъ гдѣ-то далеко внизу быстро катящейся горной рѣчки. Холодомъ

леденящимъ кровь, и смертью вѣетъ отъ этихъ массивныхъ скалъ... Ничто здѣсь не напоминаетъ о жизни, о человѣческомъ пріютѣ; жалкимъ и безпомощнымъ здѣсь кажется гордый человѣкъ. Пустыня—это смерть и человѣку здѣсь не мѣсто. И нужно только удивляться, какъ всѣ эти люди не погибли и не очутились погребенными подъ снѣжными сугробами вѣчно сурового и величественно-мрачнаго Тянь-шаня,—но жертвъ дѣйствительно было не мало между этими несчастными. Такъ на Таша-рабат-скомъ перевалѣ ихъ застигъ страшный снѣжный буранъ (*), послѣ котораго они недосчитались ста съ лишнимъ взрослыхъ мущинъ и женщинъ, кромѣ грудныхъ дѣтей. Ни сколько не преувеличивая, а, какъ передавали мнѣ сами участники, каждый сдѣланный ими здѣсь шагъ оплачивался не одною жертвою, не одною человѣческою жизнію. Горячія мольбы, соединенныя съ проклятіями, и слезы были здѣсь безсильны. Былъ моментъ, когда казалось, что вся эта толпа людей, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, на всегда останется здѣсь, погребенная на вѣки подъ мягкимъ снѣжнымъ покровомъ,—въ борьбѣ съ грозной и могучей стихіей энергія и силы этихъ людей подкосились, упали... моментъ былъ опасный и роковой, когда эта многотысячная толпа, закоченѣвшая отъ холода и голода, застыла, остановилась, не имѣя силъ двигаться далѣе, и только благодаря находчивости и присутствію духа любимаго своего предводителя и вождя *Біянъ-ху*, который въ минуту крайней опасности не потерялся, всѣ они остались живы. Энергія и мужество одного спасли всѣхъ...

Къ вечеру говоръ и плачъ, такъ неожиданно прибывшей въ укр. Нарынъ толпы людей, нѣсколько пріутихли. Съ близъ лежащихъ горъ они нарубили дровъ, разложили костры и вотъ ярко запылали огни въ различныхъ мѣстахъ, бросая длинныя фантастическія тѣни отъ толпы грѣющихся людей, собравшихся большими кучами вокругъ этихъ костровъ. Въ небольшихъ казанахъ они готовили себѣ незатѣйливый ужинъ, во многихъ изъ нихъ варилась между прочимъ мелко изрѣзанная кора, содранная со срубленныхъ деревьевъ, другіе, не дожидаясь, пока поспѣетъ это кушанье,

(*) Перевалъ Ташъ-рабатъ находится на высотѣ одинадцати тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря.

грызли съ удовольствіемъ сырую кору, какъ малые такъ и большіе! Рады были и этому!...

Но подойдемъ же теперь поближе и спросимъ, что это за люди и какъ они дошли до жизни такой. Люди эти, прибывшіе столь неожиданно въ наше пограничное укрѣпленіе Нарынъ и въ такое совсѣмъ неудобное для массовыхъ передвиженій время, были *дунгане*, по религіи магометане. Спасаясь отъ страшной мести настигавшихъ ихъ китайскихъ войскъ, болѣе ихъ многочисленныхъ и гораздо лучше вооруженныхъ, эти самые дунгане, послѣ энергичной и тяжелой героической восемнадцати лѣтней борьбы съ ними, вынуждены были бѣжать изъ предѣловъ Китая, и въ частности изъ Кашгара, и искать себѣ покровительства и защиты въ предѣлахъ Великаго Русскаго Государства, о силѣ и могуществѣ котораго они были уже давно и много наслышаны, о чемъ не разъ между прочимъ свидѣтельствуетъ въ своихъ трудахъ и первый нашъ изслѣдователь природы Центральной Азіи знаменитый путешественникъ Н. М. Пржевальскій. Сильно влекло ихъ обаяніе доброты и могущества Великаго Бѣлаго Царя, слава о которомъ уже давно распространилась и укрѣпилась въ самой глубинѣ Центральной Азіи и между самыми отдаленными подданными Срединной Имперіи, какъ о томъ повѣствуетъ тотъ же путешественникъ въ своемъ „Четвертомъ путешествіи по Центральной Азіи".

Этимъ именно эпизодомъ, т. е. прибытіемъ дунганъ въ укрѣпленіе Нарынъ и закончилось такъ называемое знаменитое въ новѣйшей исторіи и ужаснѣйшее по своему кровопролитію **дунганское возстаніе**, длившееся съ небольшими перерывами около восемнадцати—девятнадцати лѣтъ, и такимъ образомъ могущественная Китайская имперія могла теперь успокоиться отъ внутренней неурядицы, обуревавшей ее столь продолжительное время, по крайней мѣрѣ, на сто лѣтъ, такъ какъ возстанія мусульманъ, находящихся въ подданствѣ Китая, по замѣчанію покойнаго проф. Григорьева *), сдѣлались явленіемъ періодическимъ и стали повторяться съ правильностью черезъ каждыя сто лѣтъ. Но несмотря однако на окончательное подавленіе возстанія, гордые и самоувѣренные сыны Поднебесной Имперіи чувствовали себя

*) Восточный Туркестанъ проф. **Григорьева**, томъ второй.

далеко неудовлетворенными, причина чего заключалась въ томъ, что имъ не удалось схватить знаменитаго дунганскаго вождя и предводителя *Біянъ-ху* или по транскрипціи покойнаго проф. и академика В. П. Васильева *Бомхо*, и самолюбіе китайцевъ поэтому жестоко и сильно страдало. Душа дунганскаго возстанія и руководитель его это именно былъ *Біянъ-ху* почему говоря, о возстаніи дунганъ справедливость требуетъ въ то же время сказать нѣсколько словъ и объ ихъ главномъ предводителѣ, какъ человѣкѣ выдающемся изъ ихъ среды и на которомъ вниманіе всего Китая было сосредоточено не менѣе покрайней мѣрѣ пятнадцати лѣтъ, но имъ въ свое время интересовались и другіе, правда очень немногіе и далеко живущіе отъ Китая, какъ говоритъ о томъ проф. В. П. Васильевъ.

III.

Мусульманское имя Біянъ-ху - Магометъ-Аюбъ. О дѣтствѣ его и молодыхъ годахъ намъ не удалось собрать никакихъ точныхъ свѣдѣній, по крайней мѣрѣ лица, близко знавшія его при жизни, ничего особеннаго не могли передать о немъ, почему надо полагать, что въ ранніе годы жизнь Біянъ-ху отъ остальныхъ его сверстниковъ не отличалась ничѣмъ особеннымъ или выдающимся, очевидно—жилъ и росъ онъ какъ всѣ прочіе его сверстники и единовѣрцы.

Не удалось также съ полною достовѣрностью узнать и мѣсто его рожденія. Одни дунгане говорятъ, что онъ родился въ Пекинѣ, другіе считаютъ его родиной одну неизвѣстную и мало населенную деревушку Ванъ-чацзунъ въ провинціи Синаньфу, а третьи утверждаютъ, что онъ родился въ городѣ Чанъ-гу-сянъ, гдѣ отецъ его былъ городскимъ старостой. Замѣчательно, что объ этомъ говорятъ различно даже ближайшіе его родственники въ томъ числѣ и родной сынъ его. Разногласіе это повидимому объясняется тѣмъ, что отецъ Біянъ-ху довольно долгое время жилъ со своей семьей въ Пекинѣ и только незадолго до возстанія онъ переселился въ провинцію Гань-су, населенную главнымъ образомъ китайцами-мусульманами или что тоже—дунганами. Провинція эта какъ извѣстно сдѣлалась впослѣдствіи однимъ изъ главныхъ очаговъ мусульманскаго инсуррекціоннаго дви-

женія, причинившаго такъ много хлопотъ и заботъ китайскому правительству.

Изъ разсказовъ мы узнаемъ, что Біянъ-ху по своему получилъ порядочное книжное образованіе и зналъ будто бы нѣсколько китайскій книжный языкъ и, если зналъ не всѣ сорокъ тысячъ китайскихъ іероглифовъ, то все же нѣкоторая часть ему была знакома, почему и могъ поспорить въ учености съ мандариномъ средней руки. Другіе же говорятъ, что Біянъ-ху совсѣмъ былъ неграмотный человѣкъ. По словамъ дунганъ, и это всѣ подтверждаютъ, у отца его была порядочная библіотека, состоявшая изъ китайскихъ и мусульманскихъ книгъ; библіотека въ послѣдствіи перешла къ Біянъ-ху, которою онъ дорожилъ и привезъ съ собою въ Россію; быть можетъ часть ея вслѣдствіе продолжительной походной и боевой жизни была растеряна, а часть ея, какъ намъ передавали, была расхищена и истреблена послѣ смерти самого Біянъ-ху, такъ что, несмотря на всѣ наши поиски и старанія, никакихъ слѣдовъ или остатковъ этой библіотеки не удалось найти и объ этомъ тѣмъ болѣе приходится пожалѣть, что между этими книгами находились записки самого Біянъ-ху, содержаніе которыхъ будто бы заключало въ себѣ подробную исторію дунганскаго возстанія.

19 лѣтъ отъ роду Біянъ-ху былъ выбранъ на должность управителя одного довольно большаго и виднаго участка въ Пекинѣ. Сынъ его передаетъ, что на эту должность онъ былъ выбранъ единогласно всѣмъ мусульманскимъ населеніемъ Пекина. Какъ бы тамъ ни было, но уже этотъ фактъ самъ по себѣ говоритъ за то, что Біянъ-ху началъ рано выдѣляться среди своихъ сверстниковъ, и такое довѣріе, оказанное ему уже въ очень молодыхъ годахъ, онъ, какъ передаютъ, оправдалъ самымъ блестящимъ образомъ. Благодаря этому обстоятельству, ему рано пришлось развернуть свои недюжинныя способности; энергіей, неподкупною честностью и справедливостью онъ скоро заслужилъ себѣ всеобщую любовь и неограниченное довѣріе своихъ единовѣрцевъ. Изъ частыхъ и продолжительныхъ нашихъ разспросовъ о Біянъ-ху и характерѣ его управленія, мы вынесли убѣжденіе, что онъ слабаго старался не давать въ обиду сильному, бѣдняку помогалъ, оскорбленнаго удовлетворялъ, простой и бездомный ли малайка (работникъ) или

же богатый и пользующійся всесильнымъ вліяніемъ ахунъ для него были всѣ равны; въ этомъ заключалась нравственная сила Біянъ-ху и его неотразимое обаяніе на своихъ единовѣрцевъ; такимъ дунгане и воспѣваютъ его теперь въ своихъ пѣсняхъ. Этотъ въ нашихъ глазахъ полудикарь и чуть-ли не варваръ, былъ глубоко и нераздѣльно всей душой преданъ своему народу и его интересамъ; онъ жилъ его радостями и его страданіями и все, что имѣлъ, отдавалъ нуждающимся; менѣе всего онъ заботился о себѣ и своихъ личныхъ интересахъ, ему чужды были мелкіе разсчеты. Всякая несправедливость, нанесенная китайцами какому либо дунганину, глубоко задѣвала его за живое, почему всякую даже самую ничтожную обиду рѣдко оставлялъ не опротестованной или неотомщенной, и при всякомъ случаѣ настойчиво домогался и требовалъ удовлетворенія, вслѣдствіе чего всѣмъ ближайшимъ китайскимъ властямъ онъ надоѣлъ до невозможности, и послѣднія стали имъ тяготиться и жестоко его за это возненавидѣли. Изъ разсказовъ дунганъ мы знаемъ, что Біянъ-ху сначала пробовалъ искать удовлетворенія законнымъ путемъ, но убѣдившись въ невозможности этого, началъ мстить имъ всѣми возможными и зависящими отъ него средствами, и дѣлалъ это такъ ловко и искусно, что китайскія власти долгое время не подозрѣвали настоящаго виновника и руководителя ихъ. Не одинъ китаецъ, по его приказанію, былъ спущенъ темною ночью съ камнемъ на шеѣ въ мутныя волны глубокой рѣки Хуанъ-хэ.— Должно сказать, что чувство мести сильно развито въ дунганахъ, это составляетъ отличительную черту ихъ характера; дунганинъ поэтому никогда не прощаетъ нанесенной ему кѣмъ бы то ни было обиды,—одинаково будь то свой единовѣрецъ или же совсѣмъ посторонній - и въ Біянъ-ху эта черта характера была сильно развита, но, какъ передаютъ, исключительно по отношенію къ иновѣрцамъ.

IV.

Вскорѣ послѣ избранія Біянъ-ху въ управители началось въ Китаѣ возстаніе тайпинговъ.—Здѣсь намъ приходится коснуться причинъ возстанія дунганъ, и о немъ мы будемъ говорить словами дунганскаго доктора Лико-куя, который по нашей просьбѣ написалъ краткую записку о

возстаніи дунганъ и его причинахъ, съ указаніемъ наиболѣе главныхъ мѣстъ, гдѣ происходили побоища противниковъ. Мы будемъ держаться точной передачи этой записки. Переводъ ея сдѣланъ по нашей же просьбѣ покойнымъ переводчикомъ китайскаго языка М. В. Станковымъ. Кромѣ того мы располагаемъ свѣдѣніями, собранными отъ различныхъ дунганъ, непосредственныхъ участниковъ и руководителей возстанія.

„Въ первый же годъ царствованія императора Тунъджи 25 числа третьей луны тайпинги (Чанъ-мо), пишетъ Лико-куй, въ числѣ около тридцати тысячъ человѣкъ заняли провинцію Шань-си и начали рѣзать китайцевъ, жечь ихъ жилища и кумирни. Въ это время и дунгане сильно боялись тайпинговъ. Въ Синаньфу было послано китайскимъ правительствомъ 2000 челов. войска противъ тайпинговъ; въ ущельѣ Хунъ-Куань-чунъ они и сразились. Тайпинги, встрѣчая дунганскія селенія и мечети, не трогали ихъ, а также не трогали они китайцевъ-католиковъ и зданія имъ принадлежащія, почему у китайскихъ властей явилось подозрѣніе, скоро перешедшее въ увѣренность, что дунгане и тайпинги дѣйствуютъ въ союзѣ между собою заодно, о чемъ китайскіе чиновники послѣдовательно сообщили одинъ другому и донесли высшему начальству. 10 числа четвертой луны китайцы зарѣзали тринадцать челов. дунганскихъ торговцевъ, той же луны 13 числа они зарѣзали девятнадцать челов., 14 числа зарѣзали трехъ человѣкъ главныхъ торговцевъ и еще въ короткое время было зарѣзано нѣсколько человѣкъ въ различныхъ мѣстахъ провинціи Шаньси. Видя и слыша это, на насъ напалъ большой страхъ и трепетъ. Въ это время наши пожилые люди и старики сдѣлали совѣщаніе и 22 числа той же четвертой луны сто человѣкъ выборныхъ нашихъ поѣхали жаловаться императору, доѣхали до провинціи Тунъ-чо-фу, гдѣ изъ нихъ семьдесятъ восемь человѣкъ были зарѣзаны, а остальные двадцать два человѣка спаслись какимъ-то чудомъ.

„24 числа прибыло китайское войско въ селеніе Ванъча-цзунъ, чтобы перерѣзать живущихъ въ немъ дунганъ, которыхъ тамъ было около тысячи семействъ. Увидѣвши это войско, мы пошли противъ нихъ, китайскія же войска, видя что по своей силѣ они не могутъ справиться съ дунга-

нами, бѣжали Мусульмане, сознавая, что они находятся въ вѣдѣніи богдыхана, сначала не трогали и не рѣзали китайцевъ. Но передъ заходомъ солнца въ тотъ же день вторично прибыли китайскія войска уже гораздо въ большемъ числѣ и напали на насъ: драка была цѣлую ночь. Отъ испуга женщины и дѣти дунганскія перерѣзывали себѣ горло и бросались въ колодезь; въ это время мужъ не могъ управлять своей женой, а жена мужемъ. 25 числа той же луны дунгане сообщили изъ одного села другому, чтобы они запасали оружіе и собирались по возможности поскорѣе въ одно мѣсто. Собралось насъ много, мы были въ благонадежности и безъ всякаго страха ожидали китайцевъ. Увидѣвши такое скопленіе нашего войска, китайцы были въ страхѣ и начали собирать съ другихъ сторонъ свои войска. 19 числа пятой луны китайскаго войска собралось много, началась опять драка и китайцы почти перерѣзали всѣхъ дунганъ; въ живыхъ осталось насъ не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, а было насъ много. Оставшіеся въ живыхъ перебѣжали къ своимъ единовѣрцамъ въ мѣстность Вычынъ, гдѣ былъ начальникомъ Мо-че-гунь, дунганскій мулла. Съ восточной стороны великой стѣны начальникомъ былъ Дунъ-мый Маянь-инъ. Въ мѣстности, называемой Ванъ-ди-ша начальникомъ былъ Ма-сынь-янъ—купецъ. На западной сторонѣ великой стѣны начальникомъ былъ Супъ-ибо. Еще былъ начальникомъ Жинъ-лоу".

„Учитель китайскаго императора Джинъ-фій и нашъ дунганинъ Мабый линъ совѣтовали императору, чтобы двѣ враждующія стороны не были въ ссорѣ. Джинъ-фій говорилъ пріятно и повидимому искренно въ пользу дунганъ, но у него въ то же время была бумага отъ богдыхана, въ которой было сказано, чтобы небыло ни одного дунганина на китайской землѣ. Увидя такое предписаніе богдыхана и его печать, приложенную на немъ, намъ стало ясно, что мы ненужны въ китайскомъ государствѣ, императоръ не принимаетъ насъ на своей землѣ и мы, хитростію заманивъ, зарѣзали его учителя Джанъ-фія, а когда зарѣзали его, то начали уже рѣзать и всѣхъ китайцевъ; Ма-бый-лина же высѣкли при всѣхъ дунганахъ и отпустили его домой въ Синанъ-фу, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. И съ этого времени ежедневно у насъ были драки съ китайцами до девятой

луны того же года, но перебить всѣхъ китайцевъ мы не могли. Въ этой же лунѣ мы двинулись въ сѣверныя горы, скитались тамъ около года, ѣсть было намъ нечего, съ семействами своими поѣхали дальше до провинціи Шхинъ-лянъ, остановились около города того-же имени, въ которомъ жили наши единовѣрцы, но вскорѣ позади насъ оказались китайскія войска и у насъ опять была съ ними драка; убитыхъ дунганъ оказалось за это время болѣе тысячи человѣкъ мущинъ и женщинъ. Войска китайскаго было много, остановить его не было у насъ никакихъ силъ и ночью мы бѣжали, и черезъ два перехода пришли въ городъ Куянь, гдѣ также жили дунгане, грабежами и разбоемъ добывая себѣ пищу, крали у китайцевъ лошадей и кочировъ (ословъ)".

Этой выпиской пока и ограничимся. Такъ объясняетъ въ своей запискѣ начало возстанія и его причины дунганинъ Ликокуй, одинъ изъ первыхъ его очевидцевъ и непосредственный участникъ во многихъ стычкахъ и битвахъ съ китайцами.

V.

Теперь послушаемъ, что другіе дунгане говорятъ объ этомъ же. Всѣ они единодушно отрицаютъ свое участіе съ тайпингами; они утверждаютъ, что „китайцы первые начали ихъ притѣснять: встрѣтятъ двухъ-трехъ нашихъ возчиковъ и ножомъ, рѣзкою, которую рѣжутъ клеверъ, отрѣзаютъ имъ головы, хотя все время мы жили спокойно, первые не трогали ихъ, повиновались имъ во всемъ, а за что они стали насъ притѣснять, мы не знаемъ". Пусть будетъ такъ, будемъ вѣрить имъ. Дальше я также буду говорить о возстаніи словами самихъ дунганъ, которыхъ я разспрашивалъ. Главнымъ виновникомъ, или по крайней мѣрѣ, однимъ изъ главныхъ, они считаютъ вышеупомянутаго уже Джянъ-фія, который убѣдилъ богдыхана, что „дунгане народъ крайне опасны йи ненадежный для китайцевъ", и, управляя провинціей Синань-фу, Джянъ-фій, заручившись согласіемъ императора, отдалъ секретный приказъ китайскимъ уѣзднымъ властямъ вырѣзать въ одну ночь весь уѣздъ въ этой области, населенный дунганами, не исключая женщинъ и дѣтей, а было насъ здѣсь болѣе 20 тысячъ, добавилъ разсказчикъ. Рѣка Ю-хо раздѣляетъ городъ Сининь-фу на двѣ части, на

правой сторонѣ ея жили дунгане; узнавъ объ этомъ приказѣ, нѣсколько нашихъ молодыхъ дунганъ ночью переправились черезъ рѣку и сообщили своимъ объ отданномъ приказаніи Поднялась большая тревога и съ этого времени началось повсемѣстное возстаніе дунганъ, которое въ первые же годы въ большихъ размѣрахъ разыгралось въ городахъ Тунъ-чжу фу, Вый-нань сянь, Линъ-ту-сянь, Ко-линь-сянь и Сянь-янь-сянь. Въ этихъ городахъ была масса дунганъ, всѣ они дружно возстали и сошлись въ г. Сянь-янь-сянь числомъ до 30,000 чел., которыми предводительствовали вышеупомянутый Сунъ-бо или Суй-бо и Эрхо-дзу. Было это во второй лунѣ второго года царствованія императора Тунъ-чжи, т. е. около года отъ начала возстанія. Китайцы, узнавъ, что мы собрались въ большомъ числѣ, также переправились черезъ рѣку Ю-хо и начали въ разныхъ частяхъ провинціи Синань-фу жечь наши деревни и рѣзать безъ различія всѣхъ дунганъ; всего вырѣзали въ этой провинціи сорокъ восемь нашихъ деревень; масса дунганъ все же спаслась, но женщинъ и дѣтей не спаслось ни одной души. Мы въ свою очередь также вырѣзали много деревень китайскихъ, но ихъ женщинъ и дѣтей не трогали. Эта рѣзня продолжалась около года и происходила главнымъ образомъ въ двухъ уѣздахъ—Чанъ-нань-сянъ и Сянь-янь--сянь. Хотя у дунганъ и были предводители Эрхо-цзу и Суй-бо, но мы ихъ мало слушались, а дѣйствовали небольшими отрядами, стараясь неожиданно нападать на своихъ враговъ. За все это время война у насъ шла только съ народомъ; обѣ стороны дошли до такого взаимнаго ожесточенія, что нельзя было встрѣчаться ни китайцу ни дунганину; все равно въ полѣ или въ дорогѣ, но одинъ долженъ быть зарѣзанъ; такъ оно и бывало на самомъ дѣлѣ. Всѣ сдѣлались хуже звѣрей. Жили же мы только награбленнымъ, заниматься ничѣмъ нельзя было. Пришли наконецъ и правительственныя войска, всего до ста тысячъ, которыми командовалъ генералъ Шинъ-гунъ-бо. Сначала у насъ были мелкія стычки, а когда насъ собралось до 50 тысячъ, то у насъ съ ними было три большихъ сраженія. Небольшая часть изъ этого войска убѣжала, оставшись въ живыхъ, а остальныхъ мы перерѣзали. Первое большое сраженіе произошло близъ г. Линъ-ту-сянъ. Китайскія войска, идя

изъ Пекина, напали здѣсь на насъ въ первый разъ, мы потеряли своихъ около трехъ тысячъ, а китайцы около тридцати тысячъ. Дрались здѣсь трое сутокъ, день и ночь. Китайцы потому такъ потеряли много, что у нихъ было неудобное и очень тяжелое оружіе: одно ружье, такъ называемое Тханъ-чанъ, длиною около трехъ аршинъ, должны были нести два китайскихъ солдата; ружье это фитильное. Мы же были вооружены пиками, шашками, ножами, т. е. еще пожалуй хуже своихъ враговъ, къ палкамъ привязывали ножи, но, одержавъ побѣду, мы отбирали у убитыхъ китайцевъ лучшее оружіе. Второе сраженіе случилось на р. Ю-хо. Китайцы ночью отправились за угленъ, который находился на той сторонѣ, гдѣ были дунгане; наши проюхали, и напали на китайцевъ; хотя они были вооружены, но мы ихъ всѣхъ перерѣзали и сбросили въ рѣку. Услышавъ, что идетъ драка, Шунъ-гунъ-бо прислалъ половину своего войска, которое прибыло съ восходомъ солнца и напало на насъ. Бились отчаянно, дрались не только на землѣ, но и на водѣ: на плотахъ, лодкахъ и баржахъ, много людей погибло съ той и другой стороны. Воду въ рѣкѣ нельзя было пить, въ ней текла не вода, а сплошная кровь. Были жаркіе дни, трупы людей на землѣ и въ водѣ заражали воздухъ и воду, жить нельзя стало, мы бѣжали. Третье сраженіе было близъ г. Сянь-янь-сянь. Мы потеряли здѣсь больше полуторыхъ тысячъ людей.—Послѣ этого сраженія китайскій генералъ Шинъ гунъ-бо убѣжалъ въ Пекинъ съ остатками своего войска, гдѣ и былъ повѣшенъ. Послѣ этихъ трехъ большихъ битвъ возстаніе разросталось все больше и больше, оно перешло и въ слѣдующія области: Тунъ-чжоу-фу и Фунъ-сянъ-фу или Фынъ-сянъ, но соединиться для совмѣстной борьбы мы не могли, ни подъ какимъ видомъ мы не могли подать другъ другу руку помощи; хотя сила дунганъ и въ этихъ двухъ провинціяхъ брала перевѣсъ надъ силою китайцевъ, но все же и нашего народа немало погибло отъ руки китайцевъ. Во всѣ области, которыя были объяты возстаніемъ, правительство послало свои войска, чтобы одновременно подавить возстаніе, за исключеніемъ области Сиань-фу, гдѣ возстаніе нѣсколько затихло. Дунгане этой области съ полгода прожили спокойно, послѣ того какъ былъ повѣшенъ Шинъ-гунъ-бо". Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ раз-

казчики дунгане раздѣляютъ свою борьбу съ китайцами на два періода: сначала у нихъ происходитъ война съ самимъ китайскимъ народомъ, а послѣ уже у нихъ идетъ отчаянная борьба съ правительственными войсками и такъ это повторялось и происходило въ каждой мѣстности или области,— гдѣ только было возстаніе.

„Въ Тунъ-чжоу-фу дунганскіе предводители Ма-янь-инъ, Ма-сынь-янъ, Жинъ-лоу и Янъ-ву-чжи держали между собою совѣтъ и рѣшили дѣйствовать совмѣстно; хотя главнаго предводителя между ними не было, который направлялъ и руководилъ бы всѣмъ этимъ дѣломъ, но войска у нихъ, правда плохо вооруженнаго, было до 60,000 челов. Первый китайскій отрядъ, посланный правительствомъ въ Тунъ-чжоу-фу, дунгане разбили и командующаго имъ генерала зарѣзали, но со вторымъ отрядомъ, лучше вооруженнымъ и находившимся подъ командою генерала До-чжянь-чжуна, который привелъ съ собою около 50.000 солдатъ, намъ биться было трудно; съ этимъ отрядомъ мы въ теченіи полгода сражались разъ 20 и дунганъ за это время было убито около семи тысячъ челов. Видя, что наша сила здѣсь не беретъ, дунгане, живущіе въ этой области, послали просить помощи къ своимъ единовѣрцамъ въ Сининь-фу. Пришло на помощь около 10 тысячъ челов., но несмотря на эту помощь, китайцы сильно побили дунганъ, и прибывшіе изъ Сининь-фу, потерпѣвъ пораженіе и потерявъ много своего народа, обратно возвратились къ себѣ домой и всѣ дунгане, живущіе въ Тунъ-чжоу-фу и оставшіеся въ живыхъ, также ушли въ Сининь-фу. Но китайскій генералъ До-джянъ-чжунъ не отставалъ отъ насъ, а продолжалъ преслѣдовать и въ Сининь-фу и разбилъ тамъ всѣ отряды дунганъ и мы бѣжали въ Фынъ-сянъ, главные города котораго (Боу-чжи сянь, Чисань-сянь, Ли-сянь и Чаянь-сань) были населены дунганами, и которые также возстали. Мы пристали и соединились съ этими дунганами, но До-чжя-чжунъ преслѣдовалъ насъ и причинялъ намъ много вреда,- на наше счастье на пути ему встрѣтился одинъ китайскій городокъ по имени Чжу-у-чжу-цзянь, который заняли Чамоза (каракитайцы). До-чжя-чжунь задумалъ возвратить городокъ и наказать чамоза, почему и приступилъ къ осадѣ его, но чамоза обладали лучшимъ оружіемъ, нежели китайцы, и одинъ изъ вы-

стрѣлокъ попалъ До-чжянъ-чжуну въ глазъ и убилъ его наповалъ. но несмотря на это китайскія войска продолжали окружать городъ, думая держать ихъ въ осадномъ положеніи и тѣмъ принудить къ сдачѣ, но чамоза сдѣлали подкопъ и ночью всѣ ушли изъ города. Первый дунганскій предводитель Эрхо-цзу наканунѣ того дня, когда былъ убитъ До-чжянъ-чжунъ, ночью со своимъ отрядомъ предался на сторону китайцевъ, но несчастный ничего отъ этого не выигралъ, такъ какъ всѣхъ ихъ и въ томъ числѣ его самого китайцы казнили; изъ предавшихся осталось въ живыхъ не болѣе двадцати-тридцати человѣкъ, которымъ удалось бѣжать.

„Послѣ смерти До-чжянъ-чжуна три отряда китайскихъ войскъ, которыми предводительствовали Луй-чинъ-сай, Точжу-му и Цо чжу-му, начали преслѣдовать и тѣснить дунганъ въ Фынъ-сянъ-фу. Дунгане сообразили, что бороться съ китайцами имъ уже стало не подъ силу и бросились бѣжать въ другую провинцію, а именно въ Гань-су, гдѣ также были дунгане, которые также уже давно рѣзались съ китайцами. Отъ Фынъ-ся-фу до Гань-су шестнадцать переѣздовъ, но и здѣсь уже было много китайскаго войска, которое постоянно за нами гналось и преслѣдовало насъ. Мы не знали въ это время покоя ни днемъ ни ночью, обезсилили совсѣмъ, сопротивляться мы не могли и насъ погибло много не столько отъ руки китайцевъ, сколько отъ голода и холода; отчаяніе овладѣло нами, матери бросали дѣтей жены мужей и наоборотъ, пропало насъ за это время болѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Это было на четвертомъ году отъ начала возстанія.

„Въ провинціи Гань-су въ городѣ Нинъ-лянъ былъ управителемъ дунганинъ Мусанъ, въ распоряженіи котораго было около тридцати тысячъ, въ городѣ Куянь управляющимъ былъ нашъ же Джанъ-ахунъ, у него было до 20,000 чел., въ гор. Джинъ чжибу управлялъ дунганинъ Махуалинъ, который располагалъ отрядомъ около 30,000 чел. Этотъ Махуа-линъ былъ выбранъ предводителемъ надъ всѣми дунганами въ провинціи Гань-су. Въ городѣ Нинъ-ся управителемъ былъ Гуй-чжу-чжинъ и помощникомъ его Маза, у которыхъ въ распоряженіи находилось до пятидесяти чел. Все это число людей, способныхъ носить оружіе, собралось

на рѣкѣ Желтой близъ г. Джинъ-чжибу. Китайскія правительственныя войска, предводительствуемыя вышеупомянутыми генералами Лунъ-чинъ-саемъ, То-чжу-момъ и Цо-чжу-момъ, продолжали неотступно преслѣдовать насъ, сверхъ того къ нимъ пришли еще новыя войска", общее число которыхъ, по словамъ дунганъ, будто-бы доходило до пяти сотъ тысячъ (???), но и нашихъ дунганъ здѣсь собралось также немало, численность которыхъ по завѣренію разсказчиковъ равнялась не менѣе двумъ стамъ тысячамъ челов. Здѣсь-то въ теченіи почти четырехъ мѣсяцевъ каждый день безпрерывно происходило сраженіе и въ день по нѣсколько разъ; отдохнемъ немного и опять сражаемся. Въ общемъ у насъ потеря была около шести тысячъ, а у китайцевъ изъ сотни осталось не болѣе сорока челов. Въ это время появилось какъ у дунганъ, такъ и у китайцевъ хорошее огнестрѣльное оружіе. Дунгане Махуа-лина не вступали въ сраженіе съ китайскими войсками, они доставляли намъ пищу, провіантъ для скота, потому что знали хорошо мѣстность, какъ постоянные жители; случалось, что они заходили въ тылъ китайцамъ; всѣ же остальные сражались, но сражались небольшими отрядами или партіями человѣкъ по 300 или по 500 не болѣе въ каждомъ, но дрались одновременно въ разныхъ мѣстахъ, бились на большомъ пространствѣ, другіе же изъ нашихъ оберегали лагерь и наблюдали, чтобы китайцы насъ не окружили. Женщины и дѣти находились въ крѣпости отъ Желтой рѣки верстъ за восемь. На четвертомъ мѣсяцѣ наша сила стала брать перевѣсъ и мы погнали китайскія войска отъ Джинъ-чжибу къ Синань-фу, на пути ихъ много погибло отъ нашихъ рукъ, за это время намъ досталось много оружія, провіанта. Начали уже выгонять китайцевъ и изъ Синанъ-фу, но къ нимъ подоспѣли свѣжія войска, и они начали насъ одолѣвать; мы не выдержали и побѣжали обратно въ Джинъ-чжибу, много нашихъ дунганъ было убито за это короткое время, а тутъ еще подошли свѣжія китайскія войска, которыя привелъ Лю-шо; мы хотя вступили съ ними въ сраженіе, но одолѣть ихъ не могли; большой уронъ былъ у насъ. Много привелъ войска также китайскій генералъ-губернаторъ Цзо-гунъ-бо и насъ стали тѣснить со всѣхъ сторонъ. Мы бились отчаянно и наша сила начала одолѣвать, но у насъ прекратились запасы хлѣба и не стало

никакого провіанта, не было даже клеверу, который часто ѣли охотно, скотъ нашъ тоже сталъ пропадать, мы совсѣмъ обезсилѣли, терпя большія потери людьми какъ отъ китайцевъ, такъ и отъ голода. При томъ наши предводители стали между собою ссориться, насъ не жалѣли, все лучшее что доставалось отъ китайцевъ, они брали себѣ и мы хотѣли даже убить Махуа-лина, но онъ спасся бѣгствомъ. Видимъ, что наше дѣло совсѣмъ плохо, мы вторично бѣжали въ Джинъ-чжибу и въ Хэ-чжоу, городъ Лань-чжуйской области, гдѣ жило много дунганъ и у которыхъ былъ въ обиліи провіантъ. Это было въ третьей лунѣ на седьмомъ году отъ начала возстанія. Когда мы во второй разъ пришли въ Джинъ-чжибу, то Біянъ-ху уже командовалъ большимъ отрядомъ, съ которымъ онъ успѣшно дѣлалъ набѣги на китайцевъ и причинялъ имъ не мало бѣдъ, при томъ у него были запасы хлѣба, который онъ раздавалъ всѣмъ дунганамъ, не жалѣя его, и почти всѣ дунгане оставили своихъ прежнихъ предводителей и пристали къ нему". Такъ разсказываютъ другіе дунгане о своемъ возстаніи, его причинахъ и различныхъ его эпизодахъ. Численность воюющихъ сторонъ, конечно, во многихъ мѣстахъ преувеличена разсказчиками, да болѣе или менѣе точную цифру они и не могли знать, особенно же силъ противника; хотя мы не разъ ихъ спрашивали и притомъ различныхъ лицъ объ одномъ и томъ-же событіи, но въ общемъ и главномъ показанія ихъ согласуются. — Точная хронологія событій, понятное дѣло, также страдаетъ, но при такомъ массовомъ безпорядочномъ движеніи, охватившемъ обширный раіонъ и которое отъ начала до конца имѣло чисто партизанскій характеръ и продолжалось столь долгое время, и многія событія котораго притомъ похожи одно на другое, что желаемой точности нельзя и ожидать, но зато всѣ разсказчики указываютъ точно названіе города или мѣстности, гдѣ происходили болѣе или менѣе значительныя схватки и битвы.

VI.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что возстаніе дунганъ началось одновременно въ различныхъ областяхъ и имѣло чисто партизанскій характеръ и такимъ оно осталось до самаго конца. Въ каждой возставшей провинціи и области

были отдѣльные предводители, которые дѣйствовали далеко не такъ дружно между собою, какъ бы того требовали обстоятельства дѣла, чѣмъ и объясняются неудачи дунганъ, особенно въ первое время, и большія ихъ потери людьми. Лишь одинъ разъ, повидимому, дунгане сошлись въ большомъ числѣ и дѣйствовали довольно дружно — это близъ г. Джинъ-чжибу, гдѣ въ теченіи почти четырехъ мѣсяцевъ происходила ежедневная безпрерывная бойня, унесшая массу человѣческихъ жизней съ обѣихъ сторонъ; во все же остальное время дунгане дѣйствовали отдѣльными группами, каждая со своимъ особымъ начальникомъ во главѣ, слѣдовательно за исключеніемъ лишь одного, только что упомянутаго, случая, въ теченіи шести — семи лѣтъ дунгане не представляли между собою чего либо цѣльнаго и сплоченнаго, а это были лишь отдѣльныя банды или дружины, правда дружины храбрыя и мужественныя въ борьбѣ съ своимъ злѣйшимъ противникомъ, но далеко не столь многочисленныя, и притомъ плохо вооруженныя, особенно въ первое время, почему они и терпѣли часто пораженія. Но вмѣстѣ съ этимъ еще рѣзче выступаетъ и бросается въ глаза слабость и ничтожность китайскихъ войскъ, которыя въ самомъ началѣ возстанія не могли справиться сравнительно съ мелкими отрядами взбунтовавшихся дунганъ и неимѣвшихъ почти никакого вооруженія. Повидимому и дунгане не такъ скоро и легко поняли причину своей слабости и своихъ неудачъ съ китайцами. Какъ дунгане мнѣ передавали, они и сами первоначально не предвидѣли тѣхъ громадныхъ размѣровъ, какіе приняло это возстаніе впослѣдствіи, да они, будто бы, еще и надѣялись, что китайское правительство окажется все же милостивымъ и снисходительнымъ къ нимъ, но, какъ показало время, въ разсчетѣ они ошиблись... Но все-же рядъ неудачъ заставилъ ихъ болѣе или менѣе сплотиться въ одно цѣлое; выборъ и вниманіе ихъ остановились на личности Біянъ-ху, на сторону котораго перешло много дунганъ изъ различныхъ провинцій и ему они ввѣрили свою жизнь и жизнь своихъ семействъ, такъ какъ извѣстность и популярность его въ это время прочно установились между ними, что сознавалъ и самъ Біянъ-ху, въ чемъ онъ и не ошибся. Въ короткое время около него образовался весьма значительный отрядъ, слѣпо послушный его волѣ, нѣкоторые изъ

отдѣльныхъ предводителей также пристали къ нему со своими небольшими отрядами; послѣднее обстоятельство еще болѣе увеличило его силу и сдѣлало его имя на долгое время грознымъ и страшнымъ для китайцевъ.

Съ того времени, какъ Біянъ-ху вступилъ въ борьбу съ китайцами, послѣдніе скоро поняли, что они слишкомъ далеко зашли въ своей злобѣ и мести къ дунганамъ и быть можетъ было-бы еще не поздно исправить имъ свою ошибку, но традиціонное ихъ тщеславіе и самоувѣренность не позволяли имъ сознаться въ своей несправедливости, которую они много разъ проявляли по отношенію къ дунганамъ, и начавшееся, повидимому, ничтожное и малозначительное возстаніе вскорѣ превратилось съ обѣихъ сторонъ въ ожесточенную вражду, продолжавшуюся почти два десятка лѣтъ и поглотившую съ обѣихъ сторонъ число жертвъ, только одному Богу извѣстное, и жертвою этой взаимной вражды и ненависти погибло много ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ и дѣтей.

Мы нисколько не преувеличиваемъ, если скажемъ, что дунганское возстаніе, бывшее въ 60—70 годахъ только что минувшаго столѣтія, по своему страшному кровопролитію есть одна изъ ужасныхъ и мрачныхъ страницъ въ новѣйшей исторіи человѣчества и тѣмъ болѣе страшная, что достаточно удовлетворительныхъ причинъ для такого кровопролитія въ настоящее время, когда страсти съ обѣихъ сторонъ нѣсколько успокоились и затихли, сами противники не могутъ найти и указать. Правда, эта трагедія происходила въ глухомъ, отдаленномъ и замкнутомъ уголкѣ земного шара, вдали отъ цивилизованнаго міра, куда доносились только слабые и отрывочные отголоски, но это нисколько не умаляетъ ея позорнаго значенія; за эти два десятка лѣтъ обѣими сторонами были пролиты цѣлыя рѣки человѣческой крови . . .

Принявши начальствованіе надъ своими единовѣрцами-дунганами, въ Біянъ-ху проснулся настоящій левъ, что скоро увидѣли самые близорукіе китайцы, Человѣкъ замѣчательнаго ума и непоколебимой воли, смѣлый и находчивый, онъ въ теченіи всего своего предводительствованія дунганами такъ жестоко отомстилъ китайцамъ, что послѣдніе, видя, что ничего не могутъ съ нимъ сдѣлать, рѣшились при-

бѣгнуть къ своему старому излюбленному средству, часто ими въ такихъ случаяхъ ранѣе практиковавшемуся, а именно: они назначили баснословную цѣну за его голову, все равно живого или мертваго. Дунгане говорятъ, что голова Біянъ-ху была оцѣнена китайцами въ двѣсти тысячъ ланъ, что на наши деньги составляетъ около четырехъ сотъ тысячъ серебряныхъ рублей, но охотниковъ ни между своими не между чужими не оказалось, никто не соблазнился даже такой черезъ чуръ богатой и щедрой приманкой Очевидно, каждый хорошо понималъ, что добыть голову Біянъ-ху не такъ-то легко, и даже всякій китаецъ, въ припадкѣ гнѣва или страха легко распарывающій самъ себѣ животъ и бросающійся какъ баранъ въ колодезь, на этотъ разъ болѣе дорожилъ своею жизнью и никто изъ нихъ не рѣшился такимъ путемъ получить столь богатую награду.

Какъ бы то ни было, но уже такая, столь необыкновенно высокая цѣна, назначенная скупыми и бережливыми китайцами, говоритъ за то, что оцѣненный ими человѣкъ дѣйствительно обладалъ выдающимися способностями и качествами, благодаря которымъ онъ навсегда заставилъ помнить о себѣ гордыхъ и самоувѣренныхъ сыновъ Поднебесной имперіи. И въ самомъ дѣлѣ, сынъ какого-то простого и неизвѣстнаго дунганина, точно неизвѣстно даже гдѣ родившійся и ранѣе живший, Біянъ-ху, благодаря только исключительно своему природному уму, своей энергіи и поистинѣ сказочной находчивости, сразу сталъ во главѣ народнаго движенія, присущее же ему чувство справедливости, ни когда его не оставлявшее, еще ранѣе покорило и подчинило ему сердца его единовѣрцевъ, и вотъ онъ становится предводителемъ и полновластнымъ властелиномъ многотысячной и грозной толпы, фанатически наэлектризованной, и до мозга костей проникнутою одною только мыслію, однимъ чувствомъ, а именно: страшною и непримиримою ненавистью къ своимъ злѣйшимъ врагамъ — китайцамъ. И Біянъ-ху самъ отлично сознавалъ, какою грозною силою онъ располагаетъ, поняли это и его противники, но было уже поздно. Дѣйствительно, въ борьбѣ съ этой, повидимому, безпорядочной и плохо вооруженной толпой, какую изъ себя представляли дунгане въ первой половинѣ возстанія, рѣзко обнаружились слабость китайскаго правительства и еще

большая бездарность и безголовость его военныхъ чиновниковъ, которымъ ввѣрено было начальствованіе надъ правительственными войсками съ цѣлью подавить начавшееся инсуррекціонное движеніе магометанъ.

Были-ли ужъ очень плохи китайскія войска или же совсѣмъ никуда негодны генералы, командовавшіе ими, рѣшать не будемъ, но только Біянъ-ху, въ теченіи всего своего предводительствованія дунганами, всегда почти разбивалъ высылавшіяся противъ него правительственныя войска, которыя нерѣдко втрое и вчетверо превосходили численностью его отряды. „Онъ участвовалъ въ истребленіи трехъ сотъ тысячъ китайцевъ въ городѣ Нинь-ся и въ отчаянной защитѣ Су-чжоу и очень насолилъ въ свое время маньчжурскому правительству внутри Китая", пишетъ о немъ знаменитый проф. и академикъ В. П. Васильевъ (*). Постоянныя удачи и успѣхи настолько придали смѣлости и отваги Біянъ-ху, что онъ рѣшается, какъ увѣряли дунгане, идти на самую столицу китайцевъ – Пекинъ, но не дойдя нѣсколькихъ десятковъ верстъ (**), останавливается и возвращается обратно, когда увидѣлъ невозможность легко и скоро взять ее со своими войсками. Весьма часто со своими летучими отрядами Біянъ-ху показывался тамъ, гдѣ его менѣе всего ждали китайцы, почему уже однимъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ онъ наводилъ паническій страхъ и ужасъ на своихъ враговъ. Дунгане утверждаютъ также, что Біянъ-ху былъ великодушнѣе, нежели его враги: онъ разъ навсегда приказалъ щадить китайскихъ женщинъ и дѣтей и строго слѣдилъ за исполненіемъ этого приказанія, а въ случаѣ нарушенія таковаго также строго взыскивалъ съ виновныхъ; противники же дунганъ – китайцы, съ одинаковою жестокостью и безпощадностью, истребляли и умерщвляли не только стариковъ и женщинъ дунганскихъ, но даже и грудныхъ дѣтей. Зная эту черту своихъ враговъ, Біянъ-ху нерѣдко, даже въ самомъ разгарѣ битвы, заботился, прежде всего, удалить въ безопасное мѣсто своихъ слабосильныхъ стариковъ и женщинъ съ дѣтьми и обезпечить ихъ всѣмъ необходимымъ. Эта черта въ характерѣ Біянъ-ху много спо-

(*) Китайцы, новые подданные Россіи, В. П. Васильева, «Восточное Обозрѣніе» 1884 года, № 2.

(**) Послѣднее обстоятельство навряд-ли заслуживаетъ довѣрія.

собствовала его популярности между дунганами и создала ему среди нихъ горячихъ приверженцевъ, а великодушіе его къ невиннымъ и беззащитнымъ жертвамъ противниковъ ихъ заслужило ему глубокое уваженіе нетолько между своими единовѣрцами, но и между злѣйшими его врагами.

Въ каждой битвѣ и схваткѣ Біянъ-ху былъ всегда впереди, воодушевляя всѣхъ своимъ примѣромъ, и онъ постоянно появлялся тамъ, гдѣ его отряду угрожала наибольшая опасность и весьма часто уже одно неожиданное его появленіе, среди ослабѣвающихъ въ неравномъ бою его единовѣрцевъ, рѣшало битву въ пользу дунганъ, несмотря даже на гораздо большую численность непріятельскихъ силъ. На свои раны, которыхъ было, по словамъ его сына, болѣе двадцати, онъ никогда не обращалъ вниманія, какъ бы ни были онѣ тяжелы и опасны. Правда, въ одномъ дѣлѣ подъ Сининь-фу онъ былъ сильно раненъ, такъ что только полная невозможность заставила его отказаться отъ личнаго руководства дѣлами, и онъ принужденъ былъ лечь въ постель, но и слабый, полуживой, истощенный опаснымъ кровотеченіемъ, онъ не переставалъ руководить сраженіемъ, и благодаря его совѣтамъ, была выиграна крупная побѣда. Какъ извѣстно, людямъ необыкновеннымъ все идетъ къ лицу, имъ все въ мѣру и въ пору, и что простыхъ смертныхъ и обыкновенныхъ безобразитъ и уродуетъ, то людей выдающихся только болѣе краситъ и тѣмъ выдѣляетъ ихъ отъ прочей заурядной толпы Такъ, на лицѣ у Біянъ-ху было девять или десять ранъ, идущихъ въ различныхъ направленіяхъ, и эти раны не только не уродовали и не безобразили его лица, но придавали послѣднему болѣе мужественный и симпатичный видъ, онѣ даже какъ то шли къ его лицу, и такое впечатлѣніе онъ производилъ не только на своихъ, но и на русскихъ, которые имѣли случай видѣть его неоднократно, какъ то намъ приходилось слышать много разъ. Первымъ Біянъ-ху бросался въ сраженіе и послѣднимъ оставлялъ его.

И вотъ, Біянъ-ху, не славящійся ни богатствомъ, ни знатностью рода, дѣлается народнымъ героемъ. Дунгане его любятъ и боготворятъ, хотя въ то же время и боятся, а среди китайцевъ имя его сдѣлалось синонимомъ ужаса и ненависти, и китаянки - матери, говорю это ни сколько не пре-

увеличивая, долго еще будутъ пугать своихъ дѣтей именемъ Біянъ-ху. И странное дѣло, прошло уже около восемнадцати лѣтъ, какъ умеръ знаменитый дунганскій вождь, но китайцы и въ настоящее время едва вѣрятъ этому и даже съ большимъ трудомъ допускаютъ мысль о его смерти, такъ кажется его призракъ грознымъ и живучимъ, что только одно очень продолжительное время можетъ сообщить имъ твердую и непоколебимую увѣренность въ смерти талантливаго и грознаго вождя дунганъ, да и эта пріятная увѣренность, какъ дорогое и давно ожидаемое съ большимъ нетерпѣніемъ наслѣдство, достанется въ удѣлъ и перейдетъ скорѣе къ ихъ потомкамъ, нежели къ остающимся еще въ живыхъ его современникамъ. Очевидно, что всегда и вездѣ, — время есть лучшій и болѣе надежный врачъ.

Память о Біянъ-ху долго-долго будетъ жить и среди самихъ дунганъ; о немъ сложились у нихъ цѣлыя легенды и сказки, и въ длинные зимніе вечера старики передаютъ молодымъ много разсказовъ про его славные подвиги и смѣлые набѣги на китайцевъ, а дунганки-матери, убаюкивая дѣтей, воспѣваютъ его въ монотонныхъ колыбельныхъ пѣсняхъ. Слѣдуетъ сказать, что мѣсто погребенія Біянъ-ху, какъ и всякаго легендарнаго героя древности, неизвѣстно и самимъ дунганамъ, за исключеніемъ только весьма немногихъ изъ нихъ, а именно только тѣхъ, которые при его жизни были наиболѣе къ нему близки и пользовались особеннымъ его расположеніемъ и любовью. Говорятъ, что сдѣлано это дунганами съ тою цѣлію, что бы „китайцы, домогавшіеся, по словамъ проф. В. П. Васильева, выдачи Біянъ-ху со скрежетомъ зубовъ, не подослали кого либо и не вырыли бы изъ могилы прахъ дорогого и незабвеннаго ихъ вождя. А такія попытки со стороны китайцевъ дѣйствительно были дѣлаемы, и при томъ это было неоднократно. Потерпѣвъ полное и рѣшительное фіаско добиться своего варварскаго требованія оффиціальнымъ путемъ, китайцы задумали было достигнуть этого тайными способами и средствами, для чего не разъ подсылали своихъ лазутчиковъ и шпіоновъ съ цѣлію добыть трупъ Біянъ-ху изъ могилы. Но всякій разъ подобныя ихъ попытки заранѣе предугадывались и разузнавались нашими властями, и всѣ эти господа, имѣвшіе дерзость и нахальство являться открыто или тайно съ такими пору-

ченіями отъ своего правительства, были немедленно, со стыдомъ и позоромъ, выпроваживаемы обратно туда же, откуда пришли. Дунгане, пришедшіе къ намъ изъ Китая, и не порвавшіе еще связи съ недавней родиной, зорко слѣдили за всякимъ китайцемъ, прибывавшимъ въ Семирѣчье, разузнавали о цѣляхъ, съ которыми они прибывали, и давали знать своевременно объ этомъ ближайшимъ нашимъ властямъ, которыя и принимали надлежащія мѣры. Что такія попытки такъ или иначе добыть трупъ Біянъ-ху дѣйствительно были со стороны китайцевъ, это подтверждаетъ, не разъ уже цитированный нами, покойный проф. В. П. Васильевъ, который одинъ изъ немногихъ быть можетъ во всей Европѣ всю свою долгую жизнь съ живымъ интересомъ, зорко и неусыпно, слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ въ Китаѣ. Такъ онъ пишетъ; „къ чести нашей дипломатіи должно сказать, что на этотъ разъ мы не поступили съ Біянъ-ху такъ, какъ нѣкогда съ Амурсаной“ *).

Приводимыя мною неоднократно, выше и сейчасъ, слова такого компетентнаго ученаго и знатока исторіи Востока, какимъ былъ покойный проф. В. П. Васильевъ, служатъ подтвержденіемъ только что сказаннаго, а также и того, что, говоря о личности Біянъ ху, его роли и значеніи въ дунганскомъ возстаніи, мы нисколько не преувеличили и не прикрасили его, какъ то могли бы иные подумать. Все сообщаемое здѣсь собрано путемъ тщательныхъ и продолжительныхъ разспросовъ какъ отъ русскихъ, которые его знали, такъ и отъ дунганъ, а частію также и отъ пріѣзжавшихъ сюда китайцевъ. Не говоря уже о самихъ дунганахъ, но и разспрашиваемые нами китайцы, еще совсѣмъ недавніе заклятые враги послѣднихъ, отдавали должное выдающимся качествамъ Біянъ-ху, его уму и способностямъ, несмотря на то, что еще немного прошло времени, когда онъ имъ

*) Loc. cit. Амурсана былъ Цзюнгарскій князь, переманенный китайцами обѣщаніемъ, что они сдѣлаютъ его, по завоеваніи Цзюнгаріи, ханомъ въ ней. - Но когда по занятіи въ 1756 году китайцами Кульджи, они не думали исполнить своего обѣщанія, Амурсана поднялъ бунтъ, разбитый бѣжалъ къ киргизамъ и оттуда пробрался въ Россію. Китайцы стали настоятельно, съ угрозами, требовать его выдачи и мы не знали, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Къ счастью, будто бы, Амурсана нечаянно утонулъ. Китайцы не удовольствовались нашимъ извѣщеніемъ о его смерти, они потребовали, чтобы мы выслали имъ его трупъ въ Кяхту, и мы покорно исполнили такое варварское требованіе.

Примѣч. проф. Васильева.

жестоко мстилъ; впослѣдствіи въ средѣ самихъ дунганъ также немало образовалось злыхъ враговъ Біянъ-ху, и пожалуй еще болѣе злыхъ и ожесточенныхъ, нежели каковыми были китайцы, но всѣ они отдавали должное своему бывшему предводителю; мы же одинаково спокойно и внимательно выслушивали какъ его горячихъ приверженцевъ, такъ и непримиримыхъ его противниковъ, почему и сообщая все здѣсь вышесказанное, мы старались держаться насколько возможно ближе къ дѣйствительности и быть по возможности точными какъ въ описаніи передаваемыхъ фактовъ и событій, такъ и въ характеристикѣ отдѣльныхъ личностей.

VII.

Дѣла дунганъ подъ предводительствомъ Біянъ-ху пошли гораздо успѣшнѣе: они одержали надъ китайцами нѣсколько блестящихъ побѣдъ одна за другою, отнявъ у нихъ множество всевозможнаго оружія, скота и съѣстныхъ припасовъ. Оружіе для дунганъ было особенно необходимо, такъ какъ у нихъ съ самаго начала ощущался въ немъ большой недостатокъ; хотя и было кое-какое оружіе, но оно было настолько примитивное и жалкое, что едва заслуживало такого названія; если же дунгане и съ такимъ ничтожнымъ оружіемъ одерживали во многихъ случаяхъ надъ китайцами верхъ, то благодаря лишь исключительно своему личному мужеству, своей смѣлости и быстротѣ, съ которыми они нападали на своихъ враговъ, а эти качества зависѣли между прочимъ и отъ того, что по физическому своему развитію, а слѣдовательно крѣпости и выносливости дунгане значительно превосходятъ китайцевъ. Дунгане не курятъ опія, анаши, не пьютъ никакихъ спиртныхъ напитковъ, т. е. не употребляютъ тѣхъ страшныхъ ядовъ, которые быстро и въ корень подтачиваютъ организмъ, истощая его силы, и къ которымъ такъ привержены китайцы.

Теперь мы опять обратимся къ запискѣ дунганина Лико-куя, простой эпическій разсказъ котораго своею безъискусственностію и правдивостію передаетъ лучше и точнѣе событія:

„Пробывши немного въ Куянѣ, мы вернулись обратно въ свои родныя мѣста, посмотрѣть, что тамъ осталось, и прожили спокойно около полутора года; слышимъ, идутъ

китайскія войска, хорошо вооруженныя новыми ружьями, и мы, приготовившись, вышли имъ на встрѣчу. Первое сраженіе подъ предводительствомъ Віянъ-ху произошло близъ уѣзднаго города Чжи-нинь-сянь, гдѣ мы и нашли китайцевъ; насъ было всего около восьми тысячъ, но Віянъ-ху взялъ съ собою только пять тысячъ человѣкъ. Подошедши къ этому городу, мы окружили его; Віянъ-ху первый полѣзъ по лѣстницѣ на крѣпость, мы всѣ послѣдовали его примѣру; китайцы этого не ожидали и растерялись, и мы одержали блестящую побѣду. Немного здѣсь спаслось китайцевъ; благодаря этой побѣдѣ, намъ досталось много провіанта, скота и имущества, дѣла наши поправились, мы ожили духомъ, и вернулись на стоянку въ мѣстность Цзуцзы-вень, гдѣ оставались наши жены и дѣти. Здѣсь мы прожили два года. Это было въ провинціи Шень-си, въ области Сининь-фу. Слышимъ, опять пришли китайскія войска въ Чжи-нинь-сянь; поправивъ эту крѣпость, они вновь напали на насъ. Но Віянъ ху сдѣлалъ хорошее распоряженіе и побѣда наша была полная; на этотъ разъ мы китайскаго войска не преслѣдовали, потери ихъ и безъ того были велики: изъ десяти тысячъ пришедшихъ, ихъ осталось только половина, насъ же погибло всего около трехсотъ человѣкъ. Вскорѣ, какъ произошла эта битва, изъ Ланъ-чжоу пришелъ генералъ Цзу-гунь-бо, который привелъ 100 лянъ солдатъ; увидѣвъ такое множество войска, мы бѣжали въ Джинъ-чжибу внутрь великой стѣны; насъ тянуло къ Махуа-лину, какъ къ магниту, у котораго было много провіанта. Опять нагрянуло китайское войско въ числѣ 20,000 человѣкъ. Впереди преграждала путь Желтая рѣка, а сзади настигало китайское войско, положеніе было безвыходное, необходимо было драться, вступили въ бой, дрались отчаянно и съ ожесточеніемъ, перебили десять тысячъ китайцевъ, и намъ досталось много оружія и скота Это было въ началѣ 1868 года. Пошли обратно въ городъ Куянь, прожили здѣсь не болѣе 8 - 9 мѣсяцевъ. Китайскій чиновникъ Луи-чинъ-цой пригласилъ наиболѣе почетныхъ дунганъ къ себѣ и упрашивалъ ихъ о смиреніи и покорности. „Я вамъ буду давать муку и прочихъ съѣстныхъ припасовъ“ говорилъ онъ, и дѣйствительно выдалъ намъ нѣсколько сотъ пудовъ муки, но въ мукѣ этой была отрава, отъ которой умерло нашихъ

болѣе трехсотъ человѣкъ. Послѣ этого случая у насъ не было уже никакого довѣрія къ китайцамъ и мы болѣе не входили съ ними ни въ какіе переговоры. Видя, что дѣло плохо, небольшая часть нашихъ отправилась въ Джинъ-чжибу, а большая часть, около ¾ всего народа—въ Хеч-жоу. За тѣми, которые направились въ Джинь-чжибу, погнался съ войскомъ Цзу-гунь-бо, онъ думалъ, что здѣсь находится Біянъ-ху, и, настигнувъ, окружилъ этотъ отрядъ со всѣхъ сторонъ. Есть было нечего имъ, часть нашего народа изъ этого отряда умерла отъ голода, а большая часть была вырѣзана китайцами. Въ это время одинъ изъ нашихъ предводителей, дунганинъ, по имени Ю-янь-лу, съ тремя тысячами человѣкъ своего отряда предался на сторону китайцевъ, прельстившись ихъ заманчивыми обѣщаніями, но они почти всѣхъ ихъ вырѣзали и первымъ зарѣзали самого Ю-янь-лу; немногіе спаслись изъ этого числа. Оставшіеся въ живыхъ всѣ направились въ Хеч-жоу, куда впередъ прошелъ Біянъ-ху; по дорогѣ къ идущимъ присоединилось много дунганъ изъ другихъ областей и уѣздовъ, китайцы преслѣдовали ихъ по пятамъ, и имъ приходилось совсѣмъ плохо, но навыручку неожиданно явился Біянъ-ху, и по пути слѣдованія наши семь разъ сражались со своими врагами... сила дунганъ превышала силу китайцевъ и мы ихъ за это короткое время перерѣзали болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ. Пришли наконецъ въ Хэ-чжоу.

Хэч-жоу—городъ большой, населенный большею частію дунганами, которыхъ здѣсь насчитывалось до ста тысячъ человѣкъ, хотя не мало здѣсь жило и китайцевъ. Управителемъ этого города былъ нашъ же дунганинъ Ма-чань-ю, и, съ приходомъ сюда отряда Біянъ-ху, мы совсѣмъ завладѣли этимъ городомъ. Здѣшніе дунгане всѣ были вооружены хорошими ружьями. Когда мы сюда пришли, то всѣ уже окрестности были опустошены, мы жили здѣсь около шести мѣсяцевъ частію въ городѣ, а частію въ его окрестностяхъ. Во второй лунѣ 1871 года пришелъ сюда опять генералъ Цзу-гунь-бо со своими войсками. На рѣкѣ Ди-до-хо произошло сраженіе; по одну ея сторону стоялъ Мо-чань-ю, а по другую—Цзу-гунь-бо. Мо-чань-ю не выходилъ изъ крѣпости, а сдѣлалъ въ ней амбразуры, изъ которыхъ онъ и стрѣлялъ, почему убытка въ людяхъ у него не было, на-

противъ, китайцы потерпѣли большой уронъ, почему и должны были отступить. Другой отрядъ дунганъ зашелъ въ тылъ китайцамъ. Но съ Ма-чань-ю случилось несчастіе,— умъ его помутился, иначе мы не можемъ объяснить себѣ этого,—послѣ того какъ онъ такъ рѣшительно разбилъ китайцевъ, какой-то важный ихній сановникъ уговорилъ Ма-чань-ю предаться на сторону китайцевъ, что онъ и сдѣлалъ, а также и многіе изъ его отряда, но изъ предавшихся немногіе остались въ живыхъ. Услышавъ же, что Ма-чань-ю предался на сторону нашихъ враговъ, мы бѣжали въ гор. Хунъ-фэй, гдѣ дунганъ не было, но Біянъ-ху не смущало это обстоятельство, такъ какъ у него образовался большой отрядъ, всего около сорока тысячъ человѣкъ; хотя здѣсь и произошло большое сраженіе, но потерь людьми у насъ не было... Мы китайцевъ загнали въ городъ, и такъ какъ ихъ осталось мало, то мы прошли мимо стѣнъ этого города и они насъ не тронули. Вскорѣ послѣ этого случая командующій китайскими войсками призвалъ нашего знатнаго дунганина Лю-эръ-сы-фу, чтобы примирить обѣ враждующія стороны, но мы уже болѣе не вѣрили нашимъ врагамъ. Отсюда отправились въ Кань-чжу, городъ Ганьсуйской провинціи; подходя къ нему, насъ встрѣтила китайская кавалерія, но она на насъ не нападала, такъ какъ насъ было много... Пробывъ здѣсь немного времени и отнявъ у китайцевъ много провіанта, скота и награбивъ массу разныхъ дорогихъ вещей, мы отправились въ провинцію Сининь-фу, на выручку своихъ дунганъ,—такъ распорядился Біянъ-ху,— но здѣсь со всѣхъ сторонъ насъ окружили китайскія войска; пять разъ происходило большое сраженіе и китайцы не могли одолѣть дунганъ, но на шестой разъ ихъ сила преодолѣла нашу силу... и погибло насъ много... Съ обѣихъ сторонъ пролились цѣлые потоки человѣческой крови.

„Въ это время Біянъ-ху призвалъ отдѣльныхъ командировъ изъ среды дунганъ и сказалъ: „надобно идти за великую стѣну въ Кашгаръ, и если здѣсь не найдемъ спокойствія, то пойдемъ въ Россію, и будемъ просить Русскаго Царя, чтобы онъ насъ принялъ къ себѣ". Двинулись.

„Дорога предстояла длинная и трудная; ѣсть какъ людямъ, такъ и скотинѣ было нечего. Въ дорогѣ этой мы потеряли много людей и скота отъ голода. Народъ началъ

роптать. Направились въ округъ Сю-чжю, къ городу того же имени, въ которомъ жили одни дунгане, но въ окружности его во множествѣ были китайцы и ихъ войска, которыя со всѣхъ сторонъ окружили г. Сю-чжю, намѣреваясь вырѣзать всѣхъ въ немъ живущихъ дунганъ.—Мы остановились отъ Сю-чжю въ 40 ли въ селеніи Тарвань, оставили здѣсь часть своего народа съ женами и дѣтьми, а большая часть нашего отряда отправилась для освобожденія осажденныхъ въ Сю-чжю. Китайскими войсками предводительствовалъ ихній дзяньдзюнь. Было небольшое сраженіе, но города освободить мы не могли и хотя сила наша не могла одолѣть силы китайцевъ, но все же около половины мы выручили своихъ единовѣрцевъ.—Отойдя отъ города на 10 ли, мы простояли здѣсь одну ночь, на разсвѣтѣ болѣе 15 тысячъ китайскаго войска нарушило наше спокойствіе. Солнце поднялось только болѣе сажени, а мы потеряли болѣе 7000 чел., считая въ томъ числѣ женщинъ, стариковъ и дѣтей; а у китайцевъ оказалось убитыми болѣе 2000 челов. Послѣ этого направились мы въ китайскій городъ Джа-ю-гуань, разрушили этотъ городъ и двинулись далѣе въ Сач-жу; нѣтъ съѣстныхъ припасовъ для людей и скота, остановились. Ѣли клеверъ, кору деревьевъ и траву невредную для здоровья человѣка. Въ Сач-жу оказалось три китайскихъ отряда войскъ, каждый изъ нихъ находился подъ командою своего особаго предводителя, а именно: Ху-да-жина, Джи-да-жина и Ма-да-жина. Всего у нихъ было около восьми тысячъ войска. Голодные, изнуренные, бѣжать впередъ мы не имѣли силъ, нужно было драться, вступили въ бой. Сражались три дня, но хотя большого урона ни у насъ ни у китайцевъ не было за это время, но мы ихъ побѣдить не могли, и отступили. Отдохнувши немного, Біянъ-ху сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ, кто ни есть, поголовно, окружили крѣпость Сач-жу съ тѣмъ, чтобы взять ее, чего бы это намъ ни стало. Когда мы окружили, китайцы увидѣли, что ихъ дѣла плохи и хотѣли бѣжать, но Біянъ-ху у каждыхъ воротъ поставилъ надежную стражу, и всякій, кто только подходилъ, того схватывали и убивали. Два китайскихъ начальника Ма-да-жинъ и Джи-да-жинъ успѣли какимъ-то чудомъ скрыться, а Ху-да-жина мы поймали и оставили въ живыхъ. Скрывшіеся прислали узнать, убили-ли мы Ху-да-жина или нѣтъ, мы отвѣ-

чали имъ, что не убили; узнавъ объ этомъ, они просили отпустить его, обѣщаясь. за это прислать намъ провіанта и фуража. Мы такъ и сдѣлали: отпустили имъ Ху-да-жина, и они дѣйствительно прислали намъ много провіанта и фуража, который мы и роздали своему народу, наказавъ по возможности пользоваться имъ аккуратно и бережливо. Подкрѣпивъ свои силы, мы опять вступили въ битву со своими противниками и въ концѣ концовъ выгнали китайцевъ изъ Сач-жу и заняли этотъ городъ, при взятіи котораго мы перерѣзали болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, а нашихъ пропало болѣе тысячи. Намъ досталось большое количество съѣстныхъ припасовъ и нашъ народъ восторжествовалъ, радуясь этому. Китайцы, боясь, что ихъ всѣхъ перерѣжутъ, испугались, все побросали и убѣжали изъ всѣхъ селъ и деревень, прилегающихъ къ Сач-жу. Въ Сач-жу мы прожили четыре мѣсяца и, посѣянный китайцами, хлѣбъ весь собрали. Пошли въ Хами, гдѣ есть большой городъ того же названія. Въ Хами управлялъ гражданскій чиновникъ Вынъ-чи-сей, а войсками этой области управляли отдѣльно два предводителя: Чжань-да-жинъ и Вый-ту-линъ, которые выступили противъ насъ съ восьми-тысячнымъ отрядомъ. Сначала мы не знали, на что рѣшиться и что предпринять, но потомъ сообразили—что насъ много, и Біянъ-ху приказалъ въ одну ночь вырыть побольше землянокъ, въ которыхъ большая часть насъ къ утру и скрылась. Китайцы же, увидѣвъ, что насъ мало, кинулись на насъ и такимъ образомъ очутились въ срединѣ между нами. Произошла большая рѣзня. Вый-ту-лина мы живымъ захватили въ плѣнъ, а Чжань-да-жинъ былъ убитъ, тѣло котораго мы передали Вый-ту-лину. При этой дракѣ было убито болѣе тысячи китайцевъ. Намъ досталось болѣе 700 лошадей и много съѣстныхъ припасовъ, наши обрадовались. Въ это время Якубъ-бекъ сталъ звать дунганъ къ себѣ, мы двинулись въ Турфанъ и предались на его сторону. По приказанію Якубъ-бека мы перешли въ Урумчи (или что тоже Ху-ме-зы), прожили здѣсь около трехъ лѣтъ, занимаясь хлѣбопашествомъ и торговлей. Услышали вновь, что китайцы набѣгаютъ на насъ. Слухи были такіе, что въ Джинъ-чжибу, Минъ-чжу, Сининѣ и Хэч-жоу китайцы рѣжутъ дунганъ, половину вырѣзали, а половина еще осталась. Мы узнали, что на Кашгаръ идетъ Люшо и Джянь-дзя-дзюнь съ большимъ

числомъ войска. Узнавъ, что китайцы идутъ на Урумчи, Бянъ-ху послалъ гонца къ Якубъ-беку спросить, можно ли намъ драться съ китайцами. Якубъ-бекъ далъ на это свое согласіе, онъ также выступилъ съ своими войсками противъ нашихъ враговъ и даже прислалъ намъ для подкрѣпленія свою конницу, но пользы отъ нея мы не видѣли, такъ какъ она стояла неподвижно и только смотрѣла за своими лошадьми. Войска Якубъ-бека вступили въ битву съ китайскими войсками, произошло большое сраженіе, дрались нѣсколько разъ, мы увидѣли, что войска Якубъ-бека не въ силахъ бороться съ китайцами, почему мы бросили ихъ и ушли въ Кашгаръ. Въ Гунди (отъ Урумчи верстъ 15—20) много было убито дунганъ большого и малаго возраста (не менѣе 5—6 тысячъ). Услышавши это, народъ дунганскій сильно перепугался, нѣкоторые перебѣжали въ Токсунъ, гдѣ получили свѣдѣніе, что и Манасъ занятъ китайцами; сколько было тамъ убито, неизвѣстно, но отъ испуга этого и отъ голода умерло болѣе 1000 человѣкъ. Въ это время два дунганина перебѣжали изъ китайскаго лагеря и сообщили намъ, что въ Джинъ-чжибу, Манасѣ, Куянѣ, Сюч-жу и другихъ мѣстахъ китайцы вырѣзали всѣхъ дунганъ. На насъ напалъ большой страхъ. Войска Якубъ-бека были совсѣмъ разбиты. Дарынъ Люшо преслѣдовалъ какъ ихъ, такъ и насъ, и быстро прибылъ въ городъ Кашгаръ, гдѣ истребилъ много всякаго народа, въ томъ числѣ и нашихъ. Въ то время, какъ Люшо занялъ Кашгаръ, Якубъ-бекъ былъ въ городѣ Корлѣ. Узнавъ о томъ, что китайцы заняли его владѣнія, у него на душѣ заскребли кошки. Не знаемъ, отъ этого-ли горя или отъ чего другого, онъ выпилъ какую то отраву и умеръ Якубъ-бекъ. Часть Якубъ-бековыхъ войскъ направилась по направленію къ Андижану, другая часть вмѣстѣ съ китайцами, которыми предводительствовалъ Люшо, неотступно преслѣдовала насъ. Изъ Кашгара мы бѣжали въ Россію по дорогѣ въ Нарынъ. Наши враги догнали насъ, когда мы проходили ущелье Чак-макъ. Было очень холодное время года, ущелье тѣсное, узкое, вырваться некуда было, и въ одномъ этомъ мѣстѣ погибло дунганъ отъ китайцевъ и кашгарцевъ не менѣе трехъ четвертей, а другіе утверждаютъ, что здѣсь нашихъ легло девять десятыхъ всего, быть можетъ и такъ, ошибки тутъ большой не будетъ. Мы,

дунгане, впереди, войска Якубъ-бека сзади насъ, а сзади ихъ китайцы. Ѣсть было совсѣмъ нечего, грабежъ былъ въ это время сильный, гдѣ только возможно было, мы вездѣ грабили. День и ночь мы ѣхали безъ отдыху, много за это время погибло нашихъ отъ голода и холода, а Люшо не отставалъ и все преслѣдовалъ насъ до самой русской границы!... На Ташъ-Рабатѣ было много снѣгу, во время перехода черезъ этотъ перевалъ засталъ буранъ и масса народа погибло. Раненые во время Чакмакской свалки сильно стонали. Киргизы отставшихъ нашихъ женщинъ и дѣтей, выбившихся изъ силъ стариковъ по дорогѣ подбирали и послѣ доставляли намъ, чѣмъ не мало они спасли народа нашего, но немало изъ нихъ было и такихъ, которые, воспользовавшись нашимъ затруднительнымъ положеніемъ, забрали себѣ нашихъ женъ и дѣтей, и такъ они у нихъ остались навсегда. 27 декабря 1877 года мы пришли въ укрѣпленіе Нарынъ, гдѣ у насъ отобрали оружіе. Мы воскресли и остались живы только по милости Великаго Русскаго Царя". Этими словами дунганинъ Ли-ко-куй и заканчиваетъ свои записки.

Да простятъ мнѣ, что я нѣсколько долго остановился на возстаніи дунганъ и ихъ жизни въ теченіи этого времени внутри Китая. Я желалъ только побольше представить фактовъ, чтобы можно было судить о томъ тяжеломъ и безвыходномъ положеніи, въ которомъ находились дунгане въ теченіи столь продолжительнаго времени. Понятное дѣло, что при такихъ ненормальныхъ условіяхъ жизни духовныя и физическія силы какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа доходятъ до крайней степени напряженія и истощенія. Ненависть и злоба, ослѣпляя и ожесточая человѣка, являются однимъ изъ сильныхъ ослабляющихъ и изнуряющихъ факторовъ въ его жизни, будь это дикарь или высокообразованный и развитой человѣкъ. Такъ было и съ дунганами. Доведенные до крайней степени бѣдственнаго положенія несправедливымъ къ себѣ отношеніемъ своего правительства, не видя въ будущемъ надежды на лучшую жизнь и не имѣя больше силъ бороться и противустоять своимъ врагамъ, они вынуждены были искать себѣ другого отечества, другой страны, гдѣ можно было бы спокойно жить и трудиться и естественно, что взоры ихъ обратились

на Россію. Но остановимся еще немного на возстаніи дунганъ за второй періодъ его и сдѣлаемъ краткую характеристику самихъ дунганъ.

VIII.

Съ того времени, какъ Біянъ-ху сталъ во главѣ инсурреціоннаго движенія, китайскіе генералы, командовавшіе войсками, скоро увидѣли, что дѣло приняло для нихъ оборотъ совсѣмъ нежелательный, почему они и сдѣлались болѣе осторожными и осмотрительными въ своихъ нападеніяхъ на дунганъ: мелкими отрядами они уже избѣгали на нихъ нападать и, чтобы вѣрнѣе нанести пораженіе, они старались своею медлительностью и неспѣшностью усыпить бдительность и подозрительность своего врага, что имъ иногда и удавалось, хотя далеко не всегда. Рядъ счастливыхъ побѣдъ для дунганъ относится ко второй половинѣ 1867 года и къ началу 1868 года. 1869 и 1870 годы и первая половина 1871 года особенно были удачны для дунганъ, такъ какъ въ это время имъ удалось возвратить себѣ провинцію Шень-си, откуда ихъ выгналъ еще въ 1865 году или въ началѣ 1866 г. генералъ То или То-чжумъ со своими войсками. Человѣкъ энергичный и рѣшительный, То-чжумъ нанесъ дунганамъ сразу жестокое пораженіе, но онъ скоро былъ убитъ въ одной изъ стычекъ, если не ошибаемся въ концѣ 1866 г., и со смертью этого генерала для китайцевъ начался рядъ длинныхъ неудачъ, въ особенности съ того времени, когда во главѣ дунганскаго движенія сталъ Біянъ-ху. Въ періодъ времени отъ 1861 г. и до конца 1867 г. возстаніе дунганъ внутри Китая охватило двѣ громаднѣйшія провинціи, а именно: Шень-си и Гань-су и перешло даже въ сѣверную часть третьей провинціи - Шань-си; положеніе китайскаго правительства одно время сдѣлалось (въ особенности 1867 - 1871 г.) довольно критическимъ, и Маньчжурская династія почувствовала шаткую почву подъ своими ногами, и кто знаетъ, чѣмъ бы кончилось это возстаніе, если бы къ счастію для китайцевъ въ средѣ самихъ дунганъ не начались распри и несогласія и притомъ нерѣдко ввиду грознаго и непримиримаго ихъ врага.

Во всякомъ случаѣ предсказаніе покойнаго проф. В. П. Васильева имѣетъ за себя весьма большое и вѣское осно-

ваніе, что пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, быть можетъ и цѣлыя сто лѣтъ, но не будетъ нисколько неудивительнымъ, если на китайскомъ престолѣ появится царствующая династія, исповѣдующая мусульманскую религію, такъ какъ послѣдняя съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе распространяется между вѣрными сынами Поднебесной Имперіи. Вопросъ о происхожденіи дунганъ и теперь еще остается открытымъ, и его подробно мы коснемся въ одной изъ слѣдующихъ нашихъ работъ, но, ссылаясь на такіе авторитеты какъ проф. В П. Васильевъ и Архимандритъ Палладій, скажемъ—что дунгане—это тѣ же китайцы, но только принявшіе магометанство. Должно замѣтить, что эта религія рѣзко измѣняетъ духовный и нравственный обликъ китайцевъ, что въ свою очередь сказывается и на физическомъ, внѣшнемъ ихъ обликѣ. Съ принятіемъ китайцами магометанства они дѣлаются болѣе энергичными, предпріимчивыми и еще болѣе трудолюбивыми, нежели ихъ собратья китайцы-язычники. Какъ извѣстно, послѣдніе совершенно равнодушны и индиферентны къ своей религіи, но тѣ же китайцы, принявъ мусульманство, дѣлаются ярыми фанатиками и горячими поклонниками и послѣдователями новой религіи и обращаются въ злѣйшихъ и непримиримыхъ враговъ своихъ собратьевъ — китайцевъ, продолжающихъ оставаться вѣрными прежней вѣрѣ своихъ отцовъ. Китаецъ-мусульманинъ рѣзко порываетъ связь со всѣмъ прошлымъ, онъ оставляетъ многіе прежніе свои привычки и обычаи и дѣлается строгимъ и точнымъ исполнителемъ всѣхъ обрядовъ и предписаній закона Магомета. Но несмотря на такой быстрый и рѣзкій переворотъ, который производитъ мусульманство въ своихъ новыхъ послѣдователяхъ, китайское правительство нисколько не смущается этимъ обстоятельствомъ и допускаетъ ихъ къ исполненію нерѣдко важныхъ государственныхъ должностей, поручая имъ напримѣръ управленіе цѣлыми городами и т. д., что не разъ, какъ мы видѣли, упоминаетъ въ своей запискѣ дунганинъ Ли-ко-куй и что намъ передавали и другіе дунгане. Объ этомъ упоминаютъ и такіе спеціалисты какъ Архимандритъ Палладій и проф. Васильевъ; отмѣчаемъ это какъ фактъ, на который уже давно указывали какъ вышеупомянутые, такъ и другіе наши ученые.

Опредѣлить численность китайцевъ-магометанъ или, что

то же, дунганъ, живущихъ въ Китаѣ, при настоящихъ условіяхъ дѣло совсѣмъ невозможное, но по заявленію нашихъ отечественныхъ синологовъ, хорошо знающихъ Срединное Царство, ихъ насчитывается не менѣе 30 - 40 милліоновъ. И это цыфра весьма внушительная, но, по словамъ тѣхъ же синологовъ, число ихъ значительно превышаетъ вышеупомянутое число, такъ какъ мусульманство съ каждымъ годомъ находитъ все новыхъ и новыхъ прозелитовъ среди китайцевъ. И когда китайцы-магометане, сознавъ свою численность, соединятся и сплотятся въ одно цѣлое, то языческому правительству Китая будетъ болѣе чѣмъ трудно съ ними справиться. Большого труда стоило подавить и настоящее возстаніе, оно потребовало, какъ мы видѣли, для его прекращенія много времени, жертвъ людьми и массу денегъ, и говоримъ, кто знаетъ, чѣмъ бы оно окончилось, еслибы въ средѣ самихъ дунганъ не начались распри и несогласія. Распри и несогласія эти возникли прежде всего между отдѣльными дунганами-предводителями, которые изъ чисто-личныхъ выгодъ, а иногда и изъ ничтожныхъ разсчетовъ не желали подчиниться неограниченной власти Біянъ-ху, и нерѣдко причиною тому была съ ихъ стороны мелкая зависть. Начавъ ранѣе командовать своими небольшими отрядами, эти предводители не хотѣли уступить Біянъ-ху своей небольшой власти и нерѣдко распоряжались въ ущербъ общей выгодѣ и всему дѣлу возстанія, чѣмъ, конечно, пользовались китайцы и наносили дунганамъ большія потери, такъ что послѣдніе съ 1872 г. стали терпѣть уже съ разныхъ сторонъ частыя пораженія и большія потери людьми, что мы и видѣли изъ выше приведенной записки дунганина Ли-ко-куя. Эти мелкіе дунганскіе предводители завидовали славѣ и популярности Біянъ-ху и тому вліянію, которое имѣлъ послѣдній на своихъ единовѣрцевъ, чего они и не скрывали. Ихъ участіе и труды какъ то терялись и сглаживались передъ дѣятельностію Біянъ-ху.

Такое поведеніе и настроеніе его непосредственныхъ помощниковъ не ускользнуло отъ вниманія и наблюдательности Біянъ-ху, и это обстоятельство въ одно и то же время огорчало и раздражало его, но въ данномъ случаѣ и онъ при всемъ своемъ авторитетѣ, которымъ онъ пользовался среди своего народа, ровно ничего не могъ подѣлать. Осо-

бенно ему трудно было управлять и руководить тѣми изъ предводителей, которые были или состояли въ то же время ахунами или муллами; послѣднимъ, какъ намъ извѣстно, дунгане, какъ фанатики, безпрекословно подчиняются и безусловно вѣрятъ во всемъ. Долженъ сказать, что въ жизни дунганъ—мулла или ахунъ все замѣняетъ, онъ совѣтникъ ихъ, руководитель и наставникъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни какъ важныхъ, такъ и мелкихъ. Приснится-ли дунганину ночью какой тревожный и безпокойный сонъ или предстоитъ ему куда либо выѣхать или начать важное дѣло, дунганинъ во всѣхъ такихъ случаяхъ идетъ совѣтоваться къ муллѣ или ахуну, почему послѣдніе распоряжаются и владѣютъ совѣстью своихъ прихожанъ также свободно и увѣренно, какъ и іезуиты, вотъ почему Біянъ-ху и трудно было управляться съ такими начальниками отдѣльныхъ отрядовъ: послѣдніе также хорошо сознавали свое значеніе и вліяніе, и часто не слушались его. Обладая недюжиннымъ и при томъ гибкимъ умомъ, Біянъ-ху всегда умѣлъ быстро найтись и сразу подмѣтить слабое или невыгодное положеніе своего противника, соотвѣтственно чему онъ и дѣлалъ свои распоряженія, нерѣдко быть можетъ и непонятныя для подчиненныхъ ему начальниковъ, приведшихъ свои небольшія дружины нерѣдко издалека. Біянъ-ху же, привыкши къ власти, и гордясь своими удачами, требовалъ безпрекословнаго и точнаго исполненія своихъ приказаній, что конечно не всѣмъ могло нравиться. Кромѣ того начальники эти не всегда стояли на высотѣ своего положенія, больше заботясь о себѣ и своихъ выгодахъ, не жалѣя состоящихъ въ ихъ отрядѣ своихъ единовѣрцевъ и не входя въ ихъ положеніе и нужды. Такое поведеніе ихъ еще болѣе сильно волновало и озабочивало Біянъ-ху и надобно полагать, что такіе предводители и съ такимъ характеромъ дѣятельности встрѣчались у дунганъ нерѣдко, такъ какъ это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія и наблюдательности всего народа, что послѣдній передалъ и запечатлѣлъ въ своихъ пѣсняхъ. Такъ, въ одной пѣснѣ, существующей среди дунганъ и извѣстной подъ именемъ „Раненіе дарына“ (т. е. Біянъ-ху), которую мы и передаемъ дословно, какой то неизвѣстный дунганскій пѣвецъ отъ имени самого Біянъ-ху, больного, истощеннаго и изнуреннаго послѣ сраженія подъ

Синпнь-фу, въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказываетъ свое недовольство этими начальниками: „Неужели послѣ меня не найдется достойнаго главнокомандующаго, который могъ бы замѣнить меня вполнѣ? Одинъ Лю-а-фе достойный генералъ. Что-бы выручить крѣпость Сю-чжанъ, онъ, не жалѣя своей жизни, дни и ночи не спалъ и не разсѣдлывалъ коней до самаго Тэй-туна. Начальники же синипьскихъ дунганъ не только его, но и меня плохо слушаются, на умѣ у нихъ одно, чтобы предаться китайцамъ и быть ихъ покорными рабами. Лю-а-фе призывалъ тэй-тунскихъ начальниковъ, и какъ ни уговаривалъ и ни упрашивалъ дѣйствовать за одно, но всѣ они до одного отказались. Лю-а-фэ доѣхалъ до Мо-бый-шина, чтобы увидѣться и переговорить съ Ефы-чепемъ, но Ефы-чень наотрѣзъ отказался помогать, и задумалъ, какъ видно, окончательно передаться китайцамъ, чтобы выдать меня и заслужить себѣ у нихъ чинъ. Но если я выздоровѣю, то убью Ефы-че ня (что и случилось впослѣдствіи на самомъ дѣлѣ). Негодяй Ефы-чень уговаривалъ даже Лю-а-фе передаться китайцамъ... Достоинствъ Лю-а-фе не пересказать, онъ всегда впереди всѣхъ. Одно только меня утѣшаетъ и радуетъ, что мои конные и пѣшіе отряды всѣ пойдутъ за мною и выручатъ своихъ изъ огненной ямы. Жаль только и обидно, что мои помощники стараются лишь для себя, а о солдатахъ нисколько или совсѣмъ не заботятся и не жалѣютъ ихъ. Брать крѣпость — первая пуля солдатамъ, а отнятые ими же у китайцевъ скотъ и лошади все отбираютъ себѣ мои начальники; поставятъ поскорѣе впереди знакъ и все принадлежитъ имъ. Солдату надобно дровъ, чтобы хотя немного согрѣться, но имъ и этого не даютъ, а начальникамъ моимъ и на печи холодно, бѣдные же люди всѣ живутъ подъ открытымъ небомъ. Думалъ, думалъ Біянъ-ху и взяло его сердце, и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ все болѣе и болѣе сердился на своихъ начальниковъ. Лишь бы мнѣ не умереть—никого изъ нихъ не оставлю въ живыхъ, — не страшны мнѣ никакіе враги и не боюсь я никакихъ невзгодъ, выздоровѣю, отправлюсь въ западныя страны и выручу бѣдный народъ изъ когтей страшныхъ враговъ".

Таковы жалобы и недовольство неизвѣстнаго дунганскаго пѣвца. Мы привели эту пѣсню дословно. Судя по ея

содержанію, Біянъ-ху здѣсь уже является народнымъ героемъ, который заботится о благополучіи всего народа, сердцу его близки счастье и благосостояніе бѣдныхъ людей, онъ живетъ ихъ интересами и за нихъ болѣетъ душою; видя несчастія и страданія своихъ единовѣрцевъ, и будучи больной, проникнутъ только одною мыслію, чтобы помочь угнетеннымъ и несчастнымъ своимъ собратьямъ. Такой характеръ и направленіе, выразившіеся въ дѣятельности Біянъ-ху, неускользнули отъ вниманія и наблюдательности народа, что онъ и высказалъ въ своихъ пѣсняхъ, а это самая лучшая награда для всякаго героя и вѣрная его оцѣнка.

А что вышеприведенные печальные факты происходили среди дунганъ, главными виновниками которыхъ были начальники отдѣльныхъ отрядовъ, то удивляться этому нечего: во всякой междуусобной войнѣ подобные случаи неизбѣжны, каждому маленькому предводителю хочется играть первенствующую роль и присвоить себѣ болѣе важное значеніе, нежели какое онъ заслуживалъ въ дѣйствительности, хотя бы въ ущербъ успѣху общаго дѣла. Кромѣ этого, другая причина, повліявшая на неуспѣшныя дѣйствія дунганъ, та, что, несмотря на предварительныя заслуги Біянъ-ху, доставившія ему извѣстность еще ранѣе того времени, когда онъ сталъ во главѣ народнаго движенія, только съ теченіемъ времени, слѣдовательно сравнительно уже поздно, присоединились и пристали къ нему дунгане изъ отдаленныхъ областей и уѣздовъ и сдѣлались вѣрными и покорными его власти,—т. е. самое горячее, вѣрное время было пропущено... Далѣе строгія мѣры, нерѣдко принимавшіяся Біянъ-ху противъ кого либо изъ провинившихся, также порождали недовольство къ нему среди родныхъ и сторонниковъ послѣднихъ; случалось даже, что виновнымъ Біянъ-ху рубилъ головы, и, не стѣсняясь, примѣнялъ также другія жестокія мѣры, обыкновенно практиковавшіяся въ Китаѣ.. Однимъ словомъ онъ вошелъ въ роль диктатора, а эта власть для большинства тяжелая и непріятная. Дунгане же—народъ своевольный, не признающій и не понимающій дисциплины и ея важнаго значенія. Личное самолюбіе дунгане ставятъ выше всего, это отличительная черта ихъ характера, чѣмъ объясняется и горячность ихъ. Такъ за малое, ничтожное, оскорбленіе дунганинъ одинаково не постѣснится пустить ножъ

въ животъ какъ своему злѣйшему врагу-китайцу, такъ и своему единовѣрцу.

Дунгане высоко и дорого цѣнятъ свой трудъ, даже самую ничтожную свою работу, и въ такихъ случаяхъ они ничего своего не уступаютъ и не упускаютъ, но свою жизнь они еще пожалуй мало цѣнятъ; эта черта характера ихъ перешла къ нимъ, конечно, отъ китайцевъ, съ которыми они состоятъ въ тѣсномъ кровномъ родствѣ, хотя, принявъ мусульманство, они открещиваются всѣми силами отъ такового, но это совершенно неосновательно. Языкъ дунганъ, ихъ вѣрованія, многіе обычаи и всѣ пріемы въ жизни, начиная съ обработки полей и огородовъ, а также уходъ за животными - все у нихъ чисто-китайское. Другаго языка, кромѣ китайскаго, дунгане не знаютъ за исключеніемъ муллъ, которые кое какъ умѣютъ читать коранъ на арабскомъ языкѣ, и уже по приходѣ въ Семирѣчье они выучились киргизскому языку, да и то по необходимости. Названія всѣхъ полевыхъ орудій, инструментовъ, ихъ форма и видъ, самая постройка домовъ, одежда дунганъ и покрой ея, всѣ головныя украшенія, пища, способы ея приготовленія и всѣ вкусовыя приправы - чисто китайскія; въ противоположность всѣмъ здѣшнимъ мусульманамъ дунгане не ѣдятъ конины, совсѣмъ не пьютъ кумысу, не курятъ табаку, не ѣдятъ мозговъ животныхъ и мозговъ птицъ, рыбы не любятъ и также очень мало и рѣдко употребляютъ молоко, почему коровъ не держатъ; на все громадное селеніе, напр. такое, какъ Каракунузъ, насчитывается не болѣе 8—10 коровъ; преобладающая пища—растительная, главное и любимое ихъ кушанье - лапша, которая существуетъ у нихъ двухъ сортовъ—одинъ приготовляется изъ обыкновенной муки, а другой сортъ изъ гороха. Лѣтомъ въ большомъ употребленіи ѣдятъ зелень, овощи, дыни, арбузы, огурцы и проч. Мясо ѣдятъ въ общемъ мало и далеко не каждый день. Лѣтоисчисленіе у дунганъ - китайское. Кромѣ мусульманскаго имени, каждый дунганинъ носитъ еще китайское имя, не исключая муллъ и ахуновъ. И по наружному виду дунгане —тѣ же китайцы: желтоватый цвѣтъ лица съ смуглымъ оттѣнкомъ вслѣдствіе загара, небольшіе разныхъ оттѣнковъ каріе глаза, наружный уголъ которыхъ у большинства приподнятъ, рѣдкія расходящіяся кнаружи брови, поздно появляю-

щаяся растительность на бородѣ и усахъ и въ громадномъ большинствѣ случаевъ она малая, рѣдкая и даже скудная и только уже въ пожиломъ возрастѣ она достигаетъ значительнаго развитія. Средней толщины полуоткрытыя губы, за которыми виднѣются неправильно расположенные желтаго цвѣта зубы. Длинная, вытянутая спереди какъ у гусака, шея съ выдающимся кадыкомъ, а сзади широкая, похожая на бычью. Цвѣтъ волосъ на головѣ исключительно черный, на бородѣ же и усахъ встрѣчаются волосы иногда съ русымъ или русоватымъ оттѣнкомъ; одинъ разъ только пришлось видѣть совершенно рыжіе и притомъ большіе на бородѣ у одного кульджинскаго дунганина. Типичное, какъ у китайцевъ, гортанное произношеніе и также, какъ и они, букву *р* почти не выговариваютъ. Но отъ послѣднихъ дунгане отличаются безусловно здоровымъ, свѣжимъ цвѣтомъ лица, хорошо развитою мускулатурою, вообще физически они стоятъ значительно выше китайцевъ, благодаря тому что не курятъ опія и не употребляютъ никакихъ спиртныхъ напитковъ, но между каракунузскими дунганами, хотя и рѣдко, встрѣчаются лица, курящія анашу (гашишъ). Дунгане также, какъ и китайцы, страстные любители азартныхъ игръ и послѣднія между ними сильно распространены. По наружному виду дунганина трудно отличить отъ китайца, развѣ только по усамъ, которые дунгане тщательно подстригаютъ. По моимъ измѣреніямъ каракунузскихъ дунганъ, а также по измѣреніямъ д-ровъ Мацѣевскаго и моимъ кульджинскихъ дунганъ, роста они будутъ выше средняго. Они, какъ и китайцы, въ высшей степени трудолюбивы, честны, ведутъ воздержный образъ жизни и гостепріимны. Женщины у нихъ пользуются полнымъ уваженіемъ и такою же равноправностью, какъ и мущины; у дунганъ женщинѣ принадлежитъ видная роль не только въ жизни семейной, гдѣ она—полная хозяйка, но онѣ въ большинствѣ случаевъ вліяютъ и на общественныя дѣла. Безъ совѣта жены мужъ не предпринимаетъ ни одного болѣе или менѣе важнаго рѣшенія. У дунганской женщины не замѣчается и слѣда той забитости и приниженности, какія наблюдаются у женщинъ другихъ мусульманскихъ народовъ, почему въ умственномъ отношеніи дунганка стоитъ гораздо выше, чѣмъ другія мусульманскія женщины. Все хозяйство по дому лежитъ на ней, которое она ведетъ

искусною и опытною рукою; она отличная и любящая мать своихъ дѣтей, а за честь и достоинство домашняго очага дунганка съумѣетъ всегда постоять. Отсюда мы видимъ, что на положеніи женщины у дунганъ безспорно отразилось китайское вліяніе, не смотря на то, что они исповѣдуютъ исламъ. Дунганки, какъ и китаянки, любятъ разводить цвѣты, а также, какъ и послѣднія, украшаютъ изобильно свои головы искусственными цвѣтами, дѣлать которые они большія мастерицы. Этой бѣглой и далеко неполной характеристикой дунганъ мы пока и ограничимся.

Изъ приведеннаго же выше довольно подробнаго очерка возстанія дунганъ мы видимъ, что китайцы въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ безпрерывно гонялись за ними, преслѣдуя ихъ на каждомъ шагу; въ своемъ спокойствіи и благополучіи дунгане нисколько не были увѣрены, а напротивъ каждую минуту они ожидали нападенія, за которымъ слѣдовало нетолько разграбленіе и расхищеніе тяжелымъ трудомъ нажитаго имущества, но и мучительная, жестокая смерть, начиная отъ стариковъ и кончая грудными младенцами. Не всѣ могли выносить столь долго такую крайне напряженную и тревожную жизнь, для этого требуется безграничная сила воли и характера. Говорятъ же, что сердце самаго злѣйшаго и непримиримаго врага устаетъ питаться злобою и враждой и требуетъ покоя и отдыха. То же случилось и съ дунганами. Въ самомъ началѣ мы видѣли, въ какомъ положеніи они прибыли въ наше пограничное укрѣпленіе— Нарынъ. Не капризъ, не пустое любопытство или легкомысленное желаніе заставили ихъ переходить зимою съ женщинами, безсильными стариками и дѣтьми громадныя снѣжныя пустыни и искать себѣ новаго отечества. Оскорбленные въ такихъ своихъ святыхъ чувствахъ, какъ законность и справедливость, и не имѣя поэтому болѣе возможности спокойно жить, работать и трудиться на своей прежней родинѣ, они вынуждены были искать новый край, новое отечество, которое бы ихъ пріютило, и гдѣ-бы, не опасаясь постоянно за свою жизнь, можно было предаться мирному труду, къ которому такъ склонны дунгане. Въ этомъ заключается главная причина дунганскаго возстанія и его необыкновенной продолжительности. Это же побудило переселиться ихъ въ предѣлы Россіи, которая приняла ихъ съ

искреннимъ радушіемъ, широко открывъ имъ, какъ и всякому невинно страждущему, свои гостепріимныя двери. Въ предѣлахъ Россіи дунгане нашли полное удовлетвореніе всѣмъ своимъ естественнымъ и справедливымъ требованіямъ и желаніямъ. Здѣсь они обрѣли полный миръ и спокойствіе своей истерзанной и измученной душѣ и своему многоизстрадавшемуся сердцу! .. А теперь перейдемъ и къ краткому описанію дальнѣйшей судьбы дунганъ, прибывшихъ въ укрѣпленіе Нарынъ.

IX.

Прибытіе дунганъ въ небольшое пограничное наше укрѣпленіе Нарынъ и при томъ въ такое суровое время года было совершенною неожиданностію для мѣстныхъ жителей; даже начальствующія здѣсь лица не знали, что къ намъ идутъ дунгане, по крайней мѣрѣ такъ мнѣ передавали. Не говоря уже о томъ, что всѣ жившіе въ этомъ укрѣпленіи ровно не имѣли никакого понятія о дунганахъ, и нисколько не будетъ преувеличеніемъ съ нашей стороны, если скажемъ, что едва-ли нарынскіе обыватели не въ первый разъ въ своей жизни услышали самое слово дунгане, тунгани или тенгени. И мѣстныя власти, благодаря этому обстоятельству, очутились въ крайне затруднительномъ положеніи и рѣшительно не знали что дѣлать и какъ поступить съ нежданно-негаданно явившимися гостями, почему изъ Нарына экстренно былъ посланъ джигитъ въ бывшій тогда уѣздный городъ Токмакъ, къ токмакскому уѣздному начальнику, съ просьбою дать указанія, какъ поступить съ новоприбывшими неизвѣстными людьми, которые именуютъ себя тунгани или тенгени. А пока ходила эта переписка, дунгане жили въ Нарынѣ подъ открытымъ небомъ и питались кое-какъ и кое-чѣмъ, но за это сравнительно короткое время почти всѣ бывшіе здѣсь русскіе люди и торгующіе сарты очень выгодно воспользовались для себя выпавшимъ на ихъ долю случаемъ, продавая по дорогой и очень высокой цѣнѣ хлѣбъ голоднымъ дунганамъ или обмѣнивая таковой на цѣнныя вещи — что было еще выгоднѣе для однихъ и убыточнѣе для другихъ. Пришелъ наконецъ изъ Токмака и отвѣтъ, въ коемъ, какъ мнѣ передавали, было предписано, чтобы дунгане сложили въ Нарынѣ все свое оружіе, каковое все

у нихъ здѣсь и отобрали. Администрація наша поставила это въ число необходимыхъ условій при принятіи дунганами русскаго подданства; требованіе это дунгане выполнили охотно и безпрекословно. Много оружія и наиболѣе цѣннаго попало въ руки частныхъ лицъ. Были соблюдены дунганами и другія формальности, предъявленныя къ нимъ нашими властями; все, что отъ нихъ требовалось, все они выполнили. Понятное дѣло, что въ такомъ маленькомъ укрѣпленіи, какъ Нарынъ, дунгане не могли долго оставаться за полнымъ отсутствіемъ въ немъ хотя какихъ либо помѣщеній, а также и за неимѣніемъ въ немъ достаточнаго количества предметовъ продовольствія, почему, исполнивъ всѣ необходимыя условія, они черезъ нѣсколько дней двинулись въ г. Токмакъ. О кратковременномъ же пребываніи дунганъ въ Нарынѣ долго лишь напоминали ободранныя и оголенныя ими деревья, кору которыхъ они варили и ѣли, какъ передавали, съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ рады были и этому. Еще съ большимъ удовольствіемъ долго вспоминалъ ихъ небольшой кружокъ мѣстныхъ обывателей, русскихъ и сартовъ, которые ловко съумѣли воспользоваться представившимся имъ случаемъ и зашибить себѣ лишній грошъ, нисколько не смущаясь и не разсуждая о томъ, какимъ путемъ они добыли его...

Переходъ дунганъ отъ Нарына до Токмака былъ также для нихъ очень трудный и тяжелый. Зима этого года, какъ я уже выше сказалъ, была весьма суровая и холодная, снѣгу сверхъ обыкновенія выпало вездѣ много. Да при томъ и здѣсь приходилось идти имъ по мѣстности чрезвычайно гористой и высокой, приходилось совершать переходъ по ущельямъ, которыя, извиваясь узкой тропой, на пути своемъ имѣютъ множество крупныхъ спусковъ и обрывовъ, засыпанныхъ въ данное время сплошь глубокимъ снѣгомъ. Зимою эта дикая мѣстность совсѣмъ бываетъ пустынная и безводная. Въ то время, когда здѣсь проходили дунгане, на всемъ протяженіи отъ Нарына до Кутемалдовъ существовалъ лишь только одинъ вьючный путь; уже гораздо позже была разработана и проложена на этомъ пространствѣ почтовая дорога, тогда же таковой и въ поминѣ не было и на всемъ этомъ протяженіи (болѣе 160 верстъ) не было ни одной почтовой станціи, слѣдовательно не было

никакой возможности достать хотя горсть муки или кусокъ хлѣба для наиболѣе истощенныхъ и обезсилѣвшихъ, почему и жертвъ холода и голода, и на этомъ сравнительно небольшомъ разстояніи, между дунганами было не мало. Особенно тяжело и трудно имъ достался переходъ черезъ Долонскій перевалъ, расположенный на высотѣ болѣе 10,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь также, какъ и на Ташъ-рабатскомъ перевалѣ, ихъ засталъ снѣжный буранъ, какъ и тамъ, такъ и здѣсь не мало уснуло дунганъ вѣчнымъ сномъ. Не доходя до Токмака, дунгане встрѣтили три или четыре почтовыя станціи, содержателями которыхъ были Семирѣченскіе казаки. Число это, конечно, ничтожное, и единичнымъ людямъ, заброшеннымъ въ степи, на разстояніи болѣе чѣмъ на двадцать верстъ другъ отъ друга, сдѣлать хотя что либо для нѣсколькихъ тысячъ людей является дѣломъ не только невозможнымъ, но и прямо непосильнымъ. Но какъ ни тяжело и ни больно сознаться, но справедливость требуетъ сказать, что ни одинъ изъ этихъ почтосодержателей-казаковъ ровно ничѣмъ не проявилъ своего участія и состраданія къ тому крайне тяжелому и бѣдственному положенію, въ которомъ находились шедшіе дунгане, никто изъ нихъ не предложилъ теплаго угла или пріюта хотя бы одному человѣку, окоченѣвшему или замерзавшему отъ холода, ни одинъ не призрѣлъ и не обогрѣлъ обезсилѣвшую мать съ ея ребенкомъ, никто изъ нихъ не далъ ни куска хлѣба ни одному малюткѣ, а этотъ самый хлѣбъ они за безцѣнокъ скупили у тѣхъ же мусульманъ—киргизовъ и у каждаго изъ этихъ казаковъ въ буквальномъ смыслѣ слова ломились амбары отъ избытка хлѣба, добытаго тяжкимъ трудомъ иновѣрцевъ, и которыхъ эти казаки почто-содержатели всегда эксплуатировали и продолжаютъ до сихъ поръ эксплуатировать самымъ усерднымъ и добросовѣстнымъ образомъ, забывъ совершенно, что трудомъ этихъ простодушныхъ и довѣрчивыхъ сыновъ степи они воздвигли свое полное благополучіе и благосостояніе. Я много разъ и долго разспрашивалъ объ этихъ фактахъ, какъ самихъ очевидцевъ такъ и другихъ, и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. Изъ моихъ разспросовъ я только вынесъ одно,—что всѣ они сытые и въ довольствѣ живущіе люди, достигшіе благъ жизни, благодаря широкой эксплуатаціи простодушныхъ ту-

земцевъ смотрѣли совершенно безучастно и равнодушно на проходившихъ мимо, ихъ дунганъ, нисколько не бывъ тронуты ужаснымъ и бѣдственнымъ ихъ положеніемъ. Одинъ почтосодержатель, свидѣтель того, какъ проходили дунгане, сидя со мной за самоваромъ, въ своей теплой и довольно комфортабельной комнатѣ, передавалъ мнѣ съ совершенно спокойною совѣстью такой фактъ: „Вхожу я какъ-то въ пригонъ, говорилъ онъ, вижу стоитъ дунганка, прислонившись къ коровѣ, къ мордѣ ея она приложила своего ребенка... корова такая смирная, лижетъ ребенка.. на глазахъ у дунганки слезы... Велѣлъ ее съ ребенкомъ выбросить ямщикамъ на дорогу. Дунганка упирается, нейдетъ.. плачетъ... корова за нею, все лижетъ ребенка. Дѣло было къ вечеру, насилу мои ямщики отгащили дунганку и выпроводили на дорогу... На другой день неподалеку отъ станціи нашли эту дунганку и ея ребенка замерзшими. Много мы ихъ повытаскали изъ пригоновъ и конюшенъ, добавилъ мой собесѣдникъ совершенно равнодушно, въ домъ они не осмѣливались заходить, а только въ пригоны или въ конюшню“, присовокупилъ мой радушный хозяинъ. —Зачѣмъ же вы такъ дѣлали, спросилъ я, —жалко вамъ конюшни или пригона? —„Да такъ, отвѣчалъ онъ, и хлопотъ меньше.... да и что ихъ жалѣть... собакъ“ —Всякіе комментаріи къ этому излишни, —но фактъ на лицо!!

Немного этихъ лицъ (т. е. почто-содержателей), говорю я, жило по дорогѣ, но это были первые русскіе люди, съ которыми пришлось встрѣтиться дунганамъ въ первый же разъ. Всѣ они, одинаково, съ непонятною жестокостью и злобою вышвыривали и выгоняли несчастныхъ дунганъ изъ своихъ пригоновъ и конюшенъ на дорогу, гдѣ ихъ и находили по большей части вскорѣ замерзшими. Впослѣдствіи эти трупы, валявшіеся нѣкоторое время вдоль почтовой дороги, по распоряженію мѣстнаго начальства были зарыты киргизами въ землю.

X.

Предводитель дунганъ Біянъ-ху, съ послѣдней станціи, прибылъ въ Токмакъ ранѣе нѣсколькими часами всѣхъ прочихъ дунганъ. Это былъ средняго роста человѣкъ, широкоплечій, крѣпкаго тѣлосложенія. —Бросалась въ глаза не-

обыкновенно хорошо развитая его мускулатура, которая свидѣтельствовала о большой физической силѣ прибывшаго. На лицѣ его было нѣсколько рубцовъ, идущихъ въ разныхъ направленіяхъ; нѣкоторые изъ нихъ пересѣкались между собою. Рубцы эти образовались отъ ранъ, полученныхъ имъ въ борьбѣ съ китайцами; несмотря на то, что этихъ рубцовъ было много, они нисколько не безобразили лица неожиданно явившагося гостя, напротивъ они придавали ему болѣе мужественный видъ, скорѣе сообщали его лицу видъ какой-то своеобразной, дикой красоты. Одѣтъ Біянъ-ху былъ въ шелковую яркожелтаго цвѣта курму, чисто-китайскаго покроя. Вся фигура прибывшаго, его походка и движенія выражали полную увѣренность въ себѣ и сознаніе собственнаго достоинства; въ небольшихъ, слегка косыхъ, глазахъ его свѣтился умъ и наблюдательность. Всѣ его пріемы и манеры держать себя были чисто-китайскіе, какъ и самый типъ его лица. Тогдашній нашъ уѣздный начальникъ въ Токмакѣ, къ которому явился Біянъ-ху, кое-какъ объяснившись съ нимъ, и узнавъ отъ него о крайне бѣдственномъ положеніи идущихъ его единовѣрцевъ, немедленно распорядился выслать на встрѣчу нѣсколько телѣгъ съ хлѣбомъ и нѣсколько подводъ для наиболѣе ослабѣвшихъ и выбившихся изъ силъ. Это былъ первый кусокъ русскаго хлѣба голоднымъ дунганамъ, истощеннымъ до крайней степени неравной долголѣтней и крайне напряженной борьбой съ китайцами въ теченіи многихъ лѣтъ, измученнымъ и изнуреннымъ физически и морально.

Въ Токмакъ дунгане прибыли въ первой половинѣ января 1878 года. Былъ какой-то праздничный день. Служба только что кончилась въ небольшой мѣстной церкви и народъ сталъ выходить отъ обѣдни, когда на улицахъ Токмака показались первыя партіи дунганъ. Какъ и всегда, также и въ этотъ день, горячо и искренно молились русскіе люди, волею судебъ заброшенные въ самую глубь среднеазіатскихъ степей, вдали отъ родины и всего того, что такъ дорого съ этимъ именемъ сердцу каждаго человѣка. Смиренно склонивъ свои головы передъ ликами святыхъ угодниковъ, въ пламенной и горячей молитвѣ они изливали всю глубокую скорбь своего наболѣвшаго сердца и измученной вѣками души своей, и, покрѣпивъ себя свя-

той молитвой, они тихо расходились по домамъ своимъ, что бы на другой день снова, съ обновленными силами, приняться за своей тяжелый и однообразный трудъ... но видъ нѣсколькихъ тысячъ голодныхъ, оборванныхъ и замерзающихъ новыхъ пришельцевъ не тронулъ сердца ихъ, жалобные вопли закоченѣвшихъ отъ холода женщинъ и дѣтей не пробудили на этотъ разъ въ русскихъ людяхъ, только что послѣ молитвы возвращавшихся изъ церкви, чувства сожалѣнія и состраданія... Никто изъ нихъ не далъ крохи хлѣба этимъ иновѣрцамъ, пришедшимъ къ намъ въ такомъ тяжкомъ положеніи, никто изъ нихъ не пустилъ обогрѣться ни одной души... Бывшій же дотого хлѣбъ въ цѣнѣ 7--11 копѣекъ за пудъ сразу поднялся отъ 2 до 3 рублей за пудъ. Цѣна небывалая и никогда неслыханная въ этомъ краѣ... На предложеніе мѣстной и областной администраціи понизить цѣну, крестьяне отвѣчали рѣшительнымъ и упорнымъ отказомъ Но мало того, когда мѣстной администраціей былъ закупленъ хлѣбъ помимо крестьянъ, то послѣдніе не давали даже своихъ мельницъ, чтобы перемолоть купленный для дунганъ хлѣбъ, почему пришлось прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ. Дѣятельными помощниками администраціи по доставкѣ хлѣба оказались киргизы и татары; тѣ и другіе также много его пожертвовали даромъ, сарты же проявили самое слабое участіе.

Пока мѣстною властію дѣлались энергическія распоряженія о закупкѣ и заготовкѣ хлѣба, дунганамъ въ первые полтора—два дня пришлось бы среди господствующаго православнаго русскаго населенія также одинаково голодать, какъ они голодали въ только что пройденныхъ ими снѣжныхъ тяньшаньскихъ пустыняхъ, если бы эти самые дунгане не имѣли съ собою нѣкотораго запаса цѣнныхъ вещей, частію собственныхъ, но больше отнятыхъ и награбленныхъ ими у ненавистныхъ имъ китайцевъ, и съ быстротою молніи... точно электрическая искра, всѣми слоями токмакскаго и притомъ исключительно русскаго населенія овладѣла мысль о быстрой и легкой наживѣ. Охватившему настроенію русскихъ подчинились и сарты, но они сравнительно меньше подпали этому вліянію и держали себя спокойнѣе и ровнѣе. Больно и тяжело объ этомъ говорить, но по долгу безпристрастнаго бытописателя хроники, справедливость тре-

будетъ сказать, что и небольшой кружокъ интеллигентныхъ лицъ, жившихъ въ то время въ Токмакѣ, также заразился охватившимъ всѣхъ позорнымъ настроеніемъ и всѣ увлеклись жаждою быстрой и легкой наживы, за исключеніемъ быть можетъ одного-двухъ человѣкъ. О мелкихъ же чиновникахъ и говорить нечего, они выказали замѣчательную находчивость и удивительную способность и изобрѣтательность къ быстрому и легкому обогащенію, ни сколько не подозрѣвая и не думая, чтобы это было предосудительно. Какъ бы то ни было, но всѣмъ казалось, что въ порядкѣ вещей, вполнѣ законно и естественно, за нѣсколько лепешекъ или булокъ или за капъ муки получить при такихъ условіяхъ цѣнную вещь, какъ-то шелковый халатъ, кусокъ или половину куска камфы, чи-чун-чи, серебряный браслетъ или какую либо золотую вещь, стоимостью превосходящую въ нѣсколько десятковъ разъ за данное количество муки или хлѣба. Видъ же нѣсколькихъ тысячъ живыхъ мертвецовъ ни въ комъ не пробудилъ жалости и сострадания, ни въ комъ не проснулось желанія протянуть руку помощи несчастнымъ въ такую тяжкую и притомъ исключительную минуту, ни одинъ голосъ, хотя бы самый слабый, не раздался въ защиту пришедшихъ страдальцевъ. Не торгуясь, щедро платили дунгане за хлѣбъ, потому что они умирали съ голоду. Нисколько не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что пропорціонально тому бѣдственному положенію, въ которомъ находились прибывшіе, въ такой же, если даже еще не въ большей степени разыгрались алчные и хищническіе аппетиты сытыхъ и въ теплѣ живущихъ на счетъ умирающихъ съ голоду дунганъ. Всѣми овладѣло страстное, но позорное настроеніе—сбыть поскорѣе дешевый хлѣбъ, и за малое его количество получить по возможности по-больше, почему, не желая упускать единственнаго въ своемъ родѣ случая, который больше уже не повторится въ ихъ жизни, всѣ спѣшили и торопились, насколько возможно высоко поднявъ цѣну, сбыть поскорѣе всегда дешевый хлѣбъ, съ которымъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ, и не далѣе еще какъ за два – за три часа, рѣшительно не знали что дѣлать и куда дѣваться съ нимъ, и который поэтому составлялъ даже лишнее и тяжелое для многихъ бремя, такъ какъ у всѣхъ ломились амбары отъ запасовъ его, образовавшихся отъ прежнихъ годовъ.

...И къ вечеру перваго дня, въ который прибыли дунгане, всѣ были счастливы и довольны! Наступившая же длинная зимняя ночь одинаково безразлично покрыла всѣхъ людей, а также добрыя и худыя ихъ дѣла. Но за то въ дунганскомъ лагерѣ въ этотъ вечеръ весело и ярко пылали, разведенные во многихъ мѣстахъ, костры, возлѣ которыхъ слышался уже веселый говоръ и небывалое давно оживленіе, и это едва ли не въ первый разъ послѣ длиннаго, крайне тяжелаго и мучительно-изнурительнаго ихъ перехода. Счастіемъ и довольствомъ сіяли худенькія блѣдно-желтыя лица дунганятъ, грѣвшихся вокругъ этихъ костровъ и съ жаднымъ нетерпѣніемъ ожидавшихъ дорогого и вкуснаго ужина, котораго они уже такъ давно не видали, неподдѣльною, искреннею радостію свѣтились глаза ихъ, высматривавшіе изъ подъ косо-расположенныхъ вѣкъ. Маленькія, бритыя головки дѣтей, заплетенныя въ нѣсколько косичекъ, торчавшихъ изъ подъ круглыхъ, разноцвѣтныхъ и грязныхъ шапочекъ, своеобразные костюмы и лица взрослыхъ, съ длинными назади у мущинъ косами, представляли при свѣтѣ ярко пылавшихъ костровъ своеобразную и положительно фантастическую картину. Веселый говоръ старшихъ и ихъ оживленіе и радостные крики дѣтей постепенно увеличивались. Развивавшееся широкими языками пламя костровъ, во множествѣ разложенныхъ, вкусный запахъ готовящейся въ казанахъ пищи, разносившійся въ ночномъ воздухѣ, дѣйствовали возбуждающимъ и ободряющимъ образомъ на присутствующихъ. Да оно и понятно: это яркое пламя множества костровъ съ каждымъ мгновеніемъ все болѣе и болѣе какъ бы охватывало и пожирало навсегда страшный призракъ голодной смерти, который такъ долго и неотступно слѣдовалъ по пятамъ бѣжавшихъ дунганъ, и съ которымъ, какъ имъ казалось, они уже свыклись и сроднились навсегда, что никогда болѣе уже не разстанутся, и теперь .. этотъ ужасный призракъ, подобно дыму, исчезавшему и терявшемуся въ ночномъ воздухѣ отъ весело горѣвшихъ костровъ, уходилъ отъ нихъ все далѣе и далѣе, и уходилъ навсегда, такъ какъ всѣ были увѣрены, что только что пережитое ими тяжелое время болѣе въ ихъ жизни никогда не повторится и никогда не возвратится. Лишь одинъ человѣкъ не принималъ участія въ общемъ оживленіи, въ

общей радости всей этой толпы; погруженный въ глубокую задумчивость, онъ одиноко сидѣлъ у ярко пылавшаго большого костра, нисколько не интересуясь происходящимъ вокругъ него. На колѣняхъ у него спалъ 6--7 лѣтній сынъ. Человѣкъ этотъ былъ Біянъ-ху. Какія мысли проносились въ его головѣ и какія чувства онъ переживалъ въ данную минуту, то вѣдаетъ одинъ Богъ. Но судя по выраженію его лица и по тому настроенію, въ которомъ онъ находился, Біянъ-ху переживалъ тяжелыя минуты, и мысли, проносившіяся въ его головѣ, были далеко нерадостныя и невеселыя. Быть можетъ онъ предугадывалъ, что ему скоро прійдется разстаться съ тою неограниченною властію, которую онъ имѣлъ надъ своими единовѣрцами, а къ этой власти онъ такъ уже привыкъ, и ему жаль съ нею разстаться; вспоминалъ-ли онъ свое недавнее прошлое и жалѣлъ, что не могъ болѣе жестоко отомстить своимъ злымъ врагамъ-китайцамъ, какъ-бы ему того хотѣлось; озабочивала ли его дальнѣйшая судьба его народа, который онъ привелъ въ Россію, народа, который онъ горячо любилъ и за который готовъ былъ отдать свою жизнь. Онъ первый указалъ имъ какъ на единственный выходъ изъ того тяжелаго и невыносимаго положенія, въ которомъ дунгане очутились въ Китаѣ и гдѣ ихъ жизнь стала невозможной,--это отдаться въ подданство Россіи; ему всѣ они повѣрили и всѣ охотно за нимъ пошли, и вотъ передъ нимъ, послѣ пережитаго перваго тяжелаго дня, со всею полнотою и наглядностью предсталъ роковой вопросъ: что-то ожидаетъ приведенныхъ имъ его единовѣрцевъ въ новомъ ихъ отечествѣ? ..

...Въ то время,какъ въ дунганскомъ лагерѣ были такъ неподдѣльно счастливы и послѣ вкуснаго горячаго ужина всѣ погрузились въ глубокій сонъ, лишь только кое-гдѣ можно было видѣть отдѣльныя фигуры, дремавшія у потухающихъ костровъ— въ тотъ-же самый вечеръ обыватели Токмака также всѣ были не менѣе несказанно счастливы и довольны, благодаря удачному, по ихъ мнѣнію, дню, принесшему каждому такіе осязательные результаты. Совѣсть у всѣхъ была спокойна. Въ одномъ домѣ состоялся вечеръ, на которомъ присутствовали всѣ мѣстные представители власти, а также находилась здѣсь и мѣстная интеллигенція. Вечеръ вышелъ на славу, всего было вдоволь: много ѣли, а еще больше

пили, и какъ всегда на подобныхъ вечерахъ, устраивающихся на окраинѣ, чтобы не терять драгоцѣннаго времени, скоро образовалась карточная игра съ неизбѣжнымъ штоссомъ. Нѣсколько игроковъ сразу повели крупную игру, вокругъ нихъ толпилась мелкота, съ жадностью взиравшая на большую кучу денегъ банкомета и тѣмъ не менѣе ставившая усердно содержимое своего жиденькаго и скуднаго кошелька въ надеждѣ на счастье, но рѣдко кого вывозило это счастье и неудачный понтеръ съ досады шелъ запивать рюмкой очищенной свой проигранный рубль. Къ полночи игра достигла большихъ размѣровъ. Весь столъ былъ заваленъ крупными и мелкими кредитками, между которыми виднѣлись и цѣнныя дунганскія вещи: два головныхъ женскихъ украшенія, массивный глухой серебряный браслетъ и золотая брошка. Новые владѣльцы, вымѣнявшіе ихъ сегодня на хлѣбъ у голодныхъ дунганъ, въ этотъ же вечеръ проиграли, у кого не было денегъ на игру, а кто и по привычкѣ все спускать въ пухъ и въ прахъ. Какъ легко пришли, такъ легко и ушли. Раскраснѣвшіяся лица гостей свидѣтельствовали о возбужденномъ состояніи ихъ, частію вслѣдствіе азартной игры, принимавшей все болѣе и болѣе острый характеръ, а частію вслѣдствіе большого количества выпитаго вина. Глаза игроковъ горѣли недобрымъ лихорадочнымъ блескомъ, выражавшимъ недовѣріе и злобу другъ къ другу, плоскія шутки, двусмысленныя остроты и безсвязныя пьяныя рѣчи стали раздаваться все чаще и чаще, нерѣдко переходя въ угрозу... и вечеръ закончился крупнымъ скандаломъ... Но отвернемся отъ этой чисто-животной и безобразной картины. Съ разсвѣтомъ наступающаго дня, дунгане, подкрѣпленные вкуснымъ ужиномъ и покойнымъ сномъ, проснулись свѣжіе и бодрые; гости съ упомянутаго вечера также расходились по своимъ домамъ съ разсвѣтомъ дня, но уходили съ пустымъ сердцемъ, съ отуманенною винными парами головою, уходили всѣ съ помятыми лицами, а менѣе счастливые... и съ битыми физіономіями. Такъ прошли и закончились въ Токмакѣ первые сутки, въ которые прибыли сюда неожиданно новые подданные Россіи—дунгане.

XI.

О прибытіи дунганъ въ Токмакъ уѣздный начальникъ

немедленно донесъ тогдашнему губернатору области Герасиму Алексѣевичу Колпаковскому, да послѣдній уже зналъ, что къ намъ идутъ дунгане, такъ какъ онъ внимательно слѣдилъ за всѣми событіями, которыя происходили не только въ предѣлахъ области, но и далеко за ея предѣлами, и умѣлъ быстро обо всемъ получать свѣдѣнія, а также онъ прекрасно былъ освѣдомленъ о происходившемъ дунганскомъ движеніи. Ввиду такого важнаго событія, какъ приходъ въ область нѣсколькихъ тысячъ новыхъ переселенцевъ, и притомъ почти никому неизвѣстныхъ въ краѣ, Г. А. Колпаковскій, какъ мнѣ передавали, прибылъ самъ въ Токмакъ на пятый или шестой день по приходѣ дунганъ, чтобы лично руководить первыми шагами ихъ водворенія въ новомъ для нихъ отечествѣ и дать необходимыя указанія уѣздной администраціи для ихъ устройства. Въ исторіи Семирѣчья имя Г. А. Колпаковскаго навсегда займетъ видное и почетное мѣсто. Человѣкъ громаднаго ума, сильной воли, неустанной энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ широкой иниціативы, Г. А. Колпаковскій съ рѣдкимъ вниманіемъ и стараніемъ относился къ дѣлу заселенія и колонизаціи края въ теченіи всего своего долгаго управленія этою областью; всѣ силы своего великаго ума и таланта онъ вложилъ въ дѣло устроенія новаго края. Перечислять всѣ заслуги Г. А. Колпаковскаго, и все что имъ сдѣлано для Семирѣчья, я теперь не имѣю ни средствъ, ни возможности, скажу только, что Семирѣчье ему одному обязано своимъ возрожденіемъ и своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Это не былъ только военный человѣкъ, а администраторъ и организаторъ въ широкомъ и лучшемъ значеніи этого слова, сердцу котораго одинаково близки и дороги были какъ экономическое положеніе обитателей, населяющихъ Семирѣченскую область, такъ и всѣ прочія условія ихъ быта; онъ старался всесторонне понять и изучить какъ жизнь полудикаго кочевника, такъ и пришлаго населенія при новыхъ условіяхъ и новой обстановкѣ сего послѣдняго, чтобы одинаково быть полезнымъ и всегда быть готовымъ придти на помощь какъ тому, такъ и другому. Пріѣхавши сюда еще молодымъ, онъ полюбилъ этотъ дикій край и его первобытныхъ обитателей и всего себя отдалъ на служеніе этой совсѣмъ еще новой и неизвѣстной до того времени странѣ. Гораздо ранѣе другихъ онъ понялъ, что для того, чтобы

прочно водворить русское имя во вновь покоренной области, для этого необходимо заселить ее чисто-русскимъ коренным населеніемъ, сдѣлавъ ихъ постоянными обитателями этой страны; съ этою цѣлію онъ сталъ заселять край малороссами, которые, какъ извѣстно, отличаются своимъ примѣрнымъ трудолюбіемъ и по справедливости считаются лучшими земледѣльцами. Въ новомъ краѣ, среди господствующаго искони кочеваго населенія, мѣра эта была въ высшей степени полезная и разумная и теперь мы видимъ, какіе добрые плоды она принесла. Благодаря малороссамъ киргизы ознакомились со многими пріемами земледѣлія, а также и съ другими сторонами веденія хозяйства.

Почти каждаго новосела Г. А. Колпаковскій зналъ въ лицо, но этого еще мало: онъ хорошо и доподлинно зналъ хозяйственный инвентарь каждаго изъ нихъ, сколько у кого скотины и какая именно у кого есть, зналъ также хорошо количество земли, обрабатываемое каждымъ новоселомъ, въ какомъ состояніи находятся у нихъ огороды и проч. и проч.; съ рѣдкимъ вниманіемъ и участіемъ Г. А. входилъ во всѣ даже самыя мелочныя подробности хозяйства каждаго крестьянина и казака, заботливо устраняя всѣ нужды и недостатки ихъ, и снабжая всѣмъ необходимымъ. Все дѣлалъ Г. А. Колпаковскій, чтобы только облегчить положеніе русскихъ переселенцевъ, по прибытіи ихъ въ новый неизвѣстный имъ край. И гдѣ были прежде безжизненныя мертвыя степи, среди которыхъ лишь на короткое время останавливался лѣтомъ кочевникъ, тамъ теперь находятся цвѣтущія русскія селенія. Послѣ длиннаго ряда вѣковъ, едва ли не въ первый разъ, благодаря стараніямъ Г. А., прошелъ по этой землѣ плугъ мирнаго труженика-земледѣльца, и гдѣ прежде росли лишь одни дикорастущія травы, тамъ появились правильно обработанныя поля и нивы. А чтобы воззвать къ жизни эти громадныя вѣковыя степи и пустыни, требовалась такая же громадная энергія и настойчивость въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ. Но кто знаетъ, сколько пришлось пережить этому человѣку тяжелыхъ душевныхъ мукъ и волненій, частію вслѣдствіе непониманія окружающихъ его лицъ и помощниковъ, на которыхъ онъ возлагалъ свои порученія, частію же вслѣдствіе доносовъ и интригъ, порожденныхъ мелкою завистью и злобою. Но ни

на что не смотря и не взирая, а напротивъ поступая крайне осторожно и обдуманно, твердо и неуклонно этотъ человѣкъ шелъ къ разъ намѣченной цѣли, а крѣпкій и сильный умъ въ соединеніи съ желѣзной волей помогли преодолѣть всѣ препятствія и достигнуть благихъ результатовъ. И будущій историкъ Семирѣчья съ удовольствіемъ остановится на организаторской созидательной дѣятельности Г. А. Колпаковскаго, и имя его, какъ культурнаго дѣятеля, всегда будетъ высоко стоять. Чутко относился Г. А. Колпаковскій и къ духовнымъ нуждамъ населенія области и таковыя старался удовлетворять: онъ заводилъ школы, строилъ церкви, открывалъ училища, для руководства и управленія которыми приглашалъ по возможности лучшія силы изъ Россіи.

Выше мы уже упомянули, что Г. А. Колпаковскій живо интересовался и хорошо зналъ не только то, что происходило въ предѣлахъ области, но не менѣе онъ интересовался и тѣмъ, что совершалось за ея границами, въ смежныхъ странахъ; вѣдалъ онъ и о дунганскомъ движеніи, которое столько лѣтъ продолжалось внутри Китая, обезсиливая и истощая послѣдній. Если большинство въ области не имѣло никакого понятія о дунганахъ и лишь немногіе имѣли самыя смутныя и сбивчивыя о нихъ свѣдѣнія, то Г. А. Колпаковскій прекрасно освѣдомленъ былъ, кто такіе дунгане, что они за люди, и чѣмъ они будутъ полезны для культуры края. Онъ зналъ дунганъ какъ за весьма трудолюбивый и дѣятельный народъ, зналъ, что они отличные земледѣльцы, прекрасные огородники и притомъ воздержны въ образѣ жизни и нетребовательны, почему Г. А. Колпаковскій радъ былъ такому полезному элементу въ его области и одинъ изъ немногихъ онъ предвидѣлъ ихъ важное значеніе для культуры края. Время, какъ мы увидимъ, вполнѣ оправдало его ожиданія. Ранѣе донесенія уѣздныхъ начальниковъ, зналъ Колпаковскій и о томъ, что дунгане уже пришли въ его область; о Біянъ-ху и его роли въ дѣлѣ возстанія онъ также слышалъ и имѣлъ вѣрное представленіе объ этомъ человѣкѣ.

Такъ, получивши донесеніе отъ уѣзднаго начальника о прибытіи въ Токмакъ дунганъ, Колпаковскій пожелалъ, какъ мы сказали, немедленно познакомиться съ ними и лично дать нѣкоторыя наставленія и совѣты относительно даль-

нѣйшаго ихъ водворенія въ новомъ для нихъ мѣстѣ. Онъ близко и горячо принялъ къ сердцу тяжелое положеніе дунганъ и принялъ самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы по возможности облегчить ихъ горькую участь. Дунгане и теперь съ чувствомъ глубокой благодарности и сердечной признательности вспоминаютъ имя Г. А. Колпаковскаго. Узнавъ о поведеніи служащаго люда въ первый день прибытія дунганъ въ Токмакъ, Г. А. былъ сильно взбѣшенъ и многимъ изъ нихъ выразилъ крайнее свое порицаніе и негодованіе въ самыхъ рѣзкихъ словахъ; поведеніе же токмакскихъ крестьянъ его также возмутило, но въ то же время и опечалило и огорчило. Думая, что быть можетъ крестьяне невѣрно поняли предложеніе уѣздной администраціи или таковое имъ предложено было въ ненадлежащей формѣ, почему никому не довѣряя, Г. А. К. самъ рѣшился обратиться къ крестьянамъ, будучи вполнѣ увѣренъ, что крестьяне его послушаютъ и исполнятъ его предложеніе; для чего и приказалъ собрать ихъ по возможности всѣхъ. Дѣйствительно собрались почти всѣ. Вышелъ къ нимъ Г. А. Колпаковскій, и, послѣ обычнаго привѣтствія, обратился къ нимъ съ предложеніемъ понизить цѣну на хлѣбъ. Постояли, подумали, пошептались между собою мужички, и объявили, что согласны уступить по два рубля за пудъ (такъ какъ подняли уже до 3 р.).—Колпаковскій отвѣтилъ имъ, что эта цѣна слишкомъ дорогая и высокая, и необходимо помочь новымъ пришельцамъ въ ихъ тяжкомъ и бѣдственномъ положеніи; когда же пришедшіе поправятся, то они ихъ отблагодарятъ, и напомнилъ крестьянамъ, что и они когда то, и еще не такъ давно, пришли сюда такими же бѣдняками. но недавніе бѣдняки отвѣчали, что менѣе двухъ рублей за пудъ не могутъ уступить, такъ какъ самимъ-де будетъ убыточнымъ. Еще разъ тихимъ голосомъ, но такъ, чтобы всѣмъ было слышно, со словомъ увѣщанія и просьбы о помощи нуждающимся дунганамъ, обратился Колпаковскій къ крестьянамъ, но послѣдніе твердо уперлись на своемъ, сказавъ, что съ назначенной ими цѣны они не могутъ сбавить ни одной копѣйки. Опечаленный, полный гнѣва и негодованія оставилъ ихъ Г. А. Колпаковскій.

XII.

Печальны и прискорбны сообщаемые факты, но отрицать ихъ нельзя, почему и обходить ихъ молчаніемъ было-бы непростительно. Факты подобнаго рода по отношенію къ туземцамъ со стороны русскаго населенія встрѣчаются нерѣдко, но повторяются они въ меньшихъ размѣрахъ, почему и не такъ рѣзко бросаются въ глаза. Явленіе это безспорно печальное, крайне нежелательное, порождающее ненормальныя отношенія между кореннымъ туземнымъ и пришлымъ, господствующимъ, русскимъ населеніемъ Приведу еще одинъ подобный крайне грустный фактъ черствaго отношенія русскаго крестьянина къ бѣдствіямъ инородцевъ, происшедшій также при исключительныхъ обстоятельствахъ.

Въ 1866 году, уже на нашихъ глазахъ, нѣкоторыя отдаленныя загорныя волости Пишпекскаго уѣзда постигло большое несчастіе: случился голодъ и падежъ скота у киргизовъ. Наша областная печать, чутко прислушивающаяся къ явленіямъ окружающей жизни, своевременно отмѣчала эти факты и съ болью въ сердцѣ обращала на нихъ вниманіе общества, но послѣднее одинаково часто продолжаетъ оставаться глухимъ и равнодушнымъ къ тому, что творится и происходитъ вокругъ него.

Въ газетѣ „Восточное Обозрѣніе“ за 1886 годъ № 24, нѣкто подписавшійся *Яр.*, въ статьѣ своей „Обѣдненіе киргизовъ и степные шакалы“ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „двѣ волости киргизовъ умираютъ съ голоду и третью скоро постигнетъ такая же участь, Мѣстная администрація поспѣшила прійдти на помощь несчастнымъ. Пріѣхалъ въ Токмакъ одинъ изъ членовъ администраціи закупить хлѣбъ для этихъ киргизовъ. На заявленіе пріѣхавшаго администратора тепло и съ участіемъ отозвались татары, сарты и другіе инородцы, и въ короткое время они пожертвовали безвозмездно около трехъ съ половиною тысячъ пудовъ хлѣба, частію деньгами, частію хлѣбомъ. Русскіе же крестьяне обоихъ селеній Большаго и Малаго Токмака не дали ни зерна, отозвавшись неимѣніемъ у себя хлѣба для продажи, хотя это совершенно невѣрно. У каждаго крестьянина Чуйской долины, самаго бѣднаго, въ настоящее время имѣется

не менѣе 400 - 500 пудовъ въ запасѣ, у большинства же отъ 1000 до 2000 пудовъ, а у нѣкоторыхъ свыше 3000 пудовъ. Правда, наши мужички сейчасъ же *подняли цѣну на хлѣбъ*". Въ той же газетѣ и въ томъ же №, въ передовой статьѣ подъ названіемъ „*Инородческія бѣдствія*" и принадлежащей перу незабвеннаго Николая Михайловича Ядринцева, приводится оффиціальное извѣстіе, сообщенное ему тѣмъ же корреспондентомъ по поводу того же страшнаго бѣдствія, постигшаго киргизовъ, и гласящее, что „среди киргизовъ голодъ ужаснѣйшій, масса скота подохла, подохъ и весь молодой приплодъ, такъ что ни у кого нѣтъ ни капли молока. Цѣна на хлѣбъ страшно поднялась. Продавать киргизамъ, чтобы купить хлѣба, нечего". Какъ и всякое оффиціальное сообщеніе, оно коротко, ясно и убѣдительно и прибавить къ нему нечего. А голодъ былъ дѣйствительно настолько ужасный, киргизы и теперь, по прошествіи 14—15 лѣтъ, не могутъ безъ ужаса и содроганія вспомнить о перенесенныхъ ими тяжелыхъ страданіяхъ, въ чемъ я убѣдился самъ, года два назадъ тому посѣтивъ одну изъ этихъ волостей. Все, что только можно было съѣсть, все было съѣдено и дошли до того, что осторожно скоблили ножемъ засалившіеся отъ времени и закоптѣлые тереги (деревянный остовъ юрты) и эти стружки точно драгоцѣнность какую аккуратно и бережливо собирали и варили въ своихъ котлахъ и этимъ питались. Пухли въ буквальномъ смыслѣ отъ голода. Живо еще и теперь помнятъ киргизы страшную голодную зиму 1886 года. „*Но къ горькому прискорбію*, пишетъ далѣе въ той же статьѣ Н. М. Ядринцевъ, *приходится отмѣтить фактъ, что въ числѣ пожертвованнаго пѣтъ крохи отъ сосѣда—русскаго крестьянина.* Что за причина подобнаго отношенія къ видимому бѣдствію? Черствость-ли души, или укоренившееся сознаніе, что „тварь" не заслуживаетъ помощи, но надо полагать, что русскій переселенецъ, почувствовавъ силу господствующей народности, забылъ, какъ онъ самъ получалъ помощь отъ этой „твари", по справедливости могущей съ перваго раза по положенію дѣлъ видѣть въ переселенцѣ своего врага, выражавшаго постоянно поползновеніе отобрать отъ него лучшія земли, лучшія угодья". И приводитъ примѣръ, какъ „хоринскіе инородцы въ 1805 году помогли переселенцамъ-хохламъ, бѣд-

ствующимъ, голоднымъ и холоднымъ, уступивъ имъ земли и давъ по быку и коровѣ на семью, а жена родоначальника пожертвовала 1000 пудовъ шерсти. Немного подобныхъ фактовъ, но они всетаки служатъ свидѣтельствомъ добрыхъ отношеній инородцевъ къ русскимъ, а чѣмъ выражаются таковыя же со стороны русскаго населенія къ инородцамъ? Излишенъ отвѣтъ: то же презрительное отношеніе, та же хищническая эксплоатація. Гдѣ же просвѣтъ, въ чемъ заключается спасеніе? Призвать администрацію, чтобы она взяла подъ свое широкое покровительство эти бѣдствующія и погибающія народности, чтобы при посредствѣ ея помощь была отнюдь не фикція, а дѣйствительность, чтобы нужды народовъ были поняты полнѣе и приняты всѣ мѣры побороть зловѣщій исходъ". Но авторъ выражаетъ сомнѣніе и считаетъ невозможнымъ возложить подобную серьезную функцію на сибирскую администрацію и высказываетъ далѣе твердое убѣжденіе, что „безъ коренного измѣненія отношеній русскаго населенія къ этимъ инородцамъ трудно ожидать улучшенія ихъ жизни и предположенія возможности дальнѣйшей культуры. *Пора русскому человѣку видѣть въ инородцѣ не врага, не презрѣнную тварь, а своего собрата, человѣка достойнаго состраданія и братской помощи* *)". И незабвенный Николай Михайловичъ Ядринцевъ находитъ возможнымъ единственный выходъ, чтобы положить конецъ этимъ ненормальнымъ отношеніямъ и рѣшаетъ вопросъ такъ: „прежде чѣмъ думать о реальной пользѣ, необходимо самое широкое распространеніе гуманныхъ идей". Таково и наше искреннее убѣжденіе. Прошло послѣ этого болѣе пятнадцати лѣтъ, но и до сихъ поръ ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи, и отношенія между господствующимъ русскимъ населеніемъ и туземцами продолжаютъ оставаться такими же ненормальными. Прекрасная статья Николая Михайловича Ядринцева, писанная имъ „не перомъ и чернилами, а кровью сердца и сокомъ нервовъ его", осталась незамѣченной. Но время идетъ, а великое и широкое поле распространенія гуманныхъ идей на нивѣ народной все еще ожидаетъ своихъ самоотверженныхъ скромныхъ тружениковъ. Будемъ вѣрить, что это время скоро настанетъ. Одно-же изъ

*) Курсивъ нашъ.

могущественныхъ орудій для достиженія означенной цѣли —это областная печать, она одна должна служить проводникомъ въ общество гуманитарныхъ идей, въ этомъ ея высокое просвѣтительное назначеніе на окраинѣ,—и мы видимъ, что дѣйствительно она не уклоняется отъ этого пути...

Въ дополненіе къ факту, сообщенному Н. М. Ядринцевымъ о хоринскихъ инородцахъ прибавимъ и мы одинъ фактъ, случившійся также въ Семирѣченской обл. Въ 1895 году партія русскихъ крестьянъ позднею осенью переселялась изъ Акмолинской въ Семирѣченскую обл. Партія эта хотя шла прямою дорогою, но, какъ видно, ошиблась разсчетомъ во времени и около озера Балкаша ее застали сильные холода. Запасы продовольствія какъ для себя, такъ и для скота у переселенцевъ истощились, и больше половины послѣдняго у нихъ уже подохло, а къ довершенію всѣхъ ихъ бѣдствій выпалъ еще снѣгъ, и въ теченіи нѣсколькихъ дней свирѣпствовали снѣжные бураны. Партіи переселенцевъ-крестьянъ, очутившейся въ столь критическомъ положеніи, грозила неминуемая смерть, но киргизы, живущіе около Балкаша, какъ то узнали объ этихъ переселенцахъ и ихъ страданіяхъ: киргизы нашли ихъ, пріютили у себя, обогрѣли и дали знать въ Пишпекъ уѣздной администраціи, что-бы послѣдняя выслала все необходимое для дальнѣйшаго ихъ слѣдованія, и, пока подоспѣла помощь отъ администраціи, они все это время кормили цѣлую партію крестьянъ, не взявъ съ нихъ никакой платы. Какъ бы русскіе крестьяне переселенцы поступили въ данномъ случаѣ,—это еще вопросъ, на который прежде чѣмъ отвѣтить положительно, приходится подумать и подумать. Мелкихъ фактовъ, ежедневно повторяющихся и свидѣтельствующихъ о ненормальныхъ отношеніяхъ русскихъ крестьянъ къ туземцамъ, я приводить не буду, скажу только, что въ интересахъ обѣихъ сторонъ они оставляютъ за собою желать весьма многаго.

Какъ бы то ни было, но тяжелая зима 1886 года, перенесенная киргизами загорныхъ волостей Пишпекскаго уѣзда, не прошла для нихъ безслѣдно, и страшныя страданія, пережитыя ими, послужили для нихъ урокомъ. Съ этого времени они стали болѣе осторожны и осмотрительны, менѣе уже надѣются на милости и благоволеніе къ нимъ природы; съ этого несчастнаго для нихъ года они стали болѣе за-

ниматься хлѣбопашествомъ и съ полученными запасами хлѣба обращаются болѣе осмотрительно, не спѣшатъ сбывать за баснословно-дешевую и ничтожную цѣну только что собранный ими съ полей хлѣбъ, а порядочные его запасы оставляютъ себѣ на зиму, съ такимъ разсчетомъ, чтобы хватило его и для посѣва. Въ настоящее время киргизы эти сѣютъ различные сорта хлѣба, какъ-то: пшеницу, ячмень, овесъ, просо. Дѣлаютъ они также запасы корма на зиму для скота, хотя и небольшіе. *Стали болѣе тщательно устраивать свои зимовыя стойбища.* Теперь кочуютъ только тѣ, кто имѣетъ возможность, т. е. болѣе богатые, бѣдняки же все лѣто живутъ почти на одномъ и томъ же мѣстѣ, ведя свое незамысловатое хозяйство и ухаживая за своими полями. Все больше и больше проникаетъ среди киргизовъ сознаніе, что не такъ далеко уже то время, когда имъ придется оставить свой прежній кочевой бытъ и перейти къ осѣдлому образу жизни; того требуютъ вновь сложившіяся обстоятельства и борьба за существованіе. Процессъ осѣданія совершится не вдругъ, а постепенно и прослѣдить первые его шаги среди нашихъ киргизовъ представляетъ интересъ большой важности...

Какъ ни велики и сильны были страданія, перенесенныя киргизами въ зиму 1886 года, такъ что до сихъ поръ они еще живо сохранились въ ихъ памяти, но всѣ послѣдствія ихъ не были такъ гибельны и мучительны, какъ въ зиму 1877—1878 годовъ, такъ какъ администрація наша успѣла прійти на помощь голодающимъ. За это десятилѣтіе мы лучше успѣли ознакомиться съ краемъ, съ его горными проходами, трудно доступными въ обыкновенное время и казавшимися непроходимыми въ зимнее время. За это время были проложены кое какія дороги, или улучшены старые пути сообщенія, почему связь и сношенія между населеніемъ и администраціей не прерывалась уже ни въ какое время, а слѣдовательно голодающіе кочевники не очутились въ изолированномъ и замкнутомъ положеніи, какъ то было съ ними въ подобныхъ случаяхъ прежде и въ частности въ зиму 1877—1878 гг., и пожертвованный и частію купленный хлѣбъ, хотя съ большимъ трудомъ и усиліями, но былъ доставленъ бѣдствующимъ и страждущимъ туземцамъ, и этотъ хлѣбъ многихъ и многихъ киргизовъ спасъ отъ не-

минуемой голодной смерти, и внесъ лучъ радости и свѣта въ истерзанную и измученную ихъ душу, *но къ глубокому прискорбію приходится отмѣтить фактъ, что въ числѣ пожертвованнаго хлѣба не было крохи отъ сосѣда—русскаго крестьянина.* А теперь возвратимся ко вновь пришедшимъ къ намъ дунганамъ.

XIII.

Въ первое время по прибытіи, дунгане поселены были за селеніемъ Малый Токмакъ, въ 1½—2 верстахъ отъ него на югозападъ, гдѣ были выставлены для нихъ юрты въ количествѣ 80—90 штукъ, а можетъ быть нѣсколько болѣе или менѣе, точно сказать не могу. Въ каждой юртѣ, смотря по ея величинѣ, было размѣщено по три—по четыре семейства, но такъ какъ выставленныхъ юртъ все же было недостаточно для всего числа прибывшихъ дунганъ, да и означенному числу семействъ все же помѣщаться было слишкомъ тѣсно, то нѣкоторые дунгане построили себѣ шалаши изъ камыша, а нѣкоторые устроили землянки въ стѣнахъ, пролегавшаго здѣсь, глубокаго оврага. Въ 1885 году, изслѣдуя окрестности Токмака въ археологическомъ отношеніи, я встрѣтилъ еще нѣсколько этихъ землянокъ съ остатками въ нихъ золы и пепла. Всѣ эти землянки я нашелъ значительно обвалившимися и разрушившимися отъ времени, но судя по ихъ вышинѣ, какая сохранилась, онѣ скорѣе были похожи на звѣриныя норы, нежели на человѣческое жилье, и на вопросъ мой, что это за норы (я ихъ такъ и принялъ), проводникъ мой отвѣтилъ: эти норы служили жилищемъ дунганамъ въ первое время по ихъ прибытіи. Еще разъ только оставалось подивиться человѣческой выносливости, до какой степени она можетъ доходить, и какъ только эти дунгане остались живы, думалъ я, проведя около трехъ зимнихъ мѣсяцевъ въ такихъ первобытныхъ жилищахъ, въ которыхъ удобно только жить волкамъ и лисицамъ, а не людямъ, но вспомнилъ, что дунгане и такими удобствами не всегда пользовались во время своей борьбы съ китайцами, а также когда бѣжали въ Россію изъ Кашгара. Тутъ же невдалекѣ отъ этого рва проводникъ указалъ мнѣ кладбище, гдѣ были похоронены умершіе за это время дунгане; кладбище это было, конечно, временнымъ, какъ и самыя

ихъ жилища. Принимая во вниманіе крайне неблагопріятныя условія, въ которыхъ находились дунгане, и предшествовавшія истощающія и изнуряющія вліянія, а также и значительную ихъ численность, могилъ было немного, всего я насчиталъ двадцать двѣ—двадцать четыре могилы, но такъ какъ это кладбище было неогорожено, и теперь продолжаетъ оставаться въ такомъ же положеніи, то нѣкоторыя могилы и тогда уже были мало замѣтны, а въ настоящее время большинство ихъ уже совсѣмъ сгладилось, частію отъ времени, частію же отъ другихъ причинъ. Въ заключеніе всей этой печальной эпопеи справедливость требуетъ сказать, что несмотря на то, что дунгане терпѣли крайнюю нужду, переносили и испытывали всевозможныя лишенія и недостатки, между ними не было за все это время никакихъ преступленій, не было ни одного случая даже самаго мелкаго воровства, о чемъ мнѣ говорили не разъ сами же токмакскіе крестьяне, которые какъ тогда, съ самаго начала ихъ прихода, отнеслись къ нимъ недружелюбно, такъ и въ настоящее время сильно недолюбливаютъ и все также продолжаютъ относиться къ нимъ недоброжелательно, о чемъ рѣчь будетъ послѣ.

Наступившей весной новымъ пришельцамъ отведена была земля около невысокихъ предгорій Заилійскаго Алатау на южной его сторонѣ, по правую сторону р. Чу въ семи—восьми верстахъ отъ селенія Большой Токмакъ и какъ разъ противъ него, на землѣ, принадлежащей киргизамъ вѣрненскаго уѣзда. Первоначально, какъ мнѣ передавали, была мысль поселить дунганъ нѣсколько выше старинной башни Бурана, находящейся на югъ отъ Токмака въ 10—12 верстахъ, т. е. приблизительно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи мною открыто было древнее несторіанское кладбище и случись это, открытіе существованія христіанства въ Средней Азіи по всей вѣроятности произошло бы нѣсколькими годами ранѣе. Но дунгане, осмотрѣвъ предназначенную для нихъ мѣстность, нашли ее для себя неудобною вслѣдствіе отсутствія рѣчекъ и достаточнаго количества воды, да и по другимъ причинамъ это мѣсто имъ не понравилось, въ чемъ они, какъ опытные земледѣльцы, и не ошиблись Мнѣніе, высказанное ими, было уважено нашимъ начальствомъ и, согласно ихъ желанія, дунгане были

поселены на указанномъ выше мѣстѣ. Устроенный нынѣ поселокъ, населенный исключительно этими дунганами, расположенъ вдоль теченія горной рѣчки Каракунузъ, впадающей въ р. Чу, по имени которой поселокъ этотъ и носитъ самое названіе, т. е. Каракунузъ, что въ переводѣ значитъ „черный жукъ“; здѣсь же имъ по-близости отведена земля подъ хлѣбопашество и другія угодья. Небольшая часть этихъ дунганъ поселилась въ Токмакѣ и Пишпекѣ. Для устройства двухъ большихъ дунганскихъ селеній въ Пишпекскомъ и Пржевальскомъ уѣздахъ (*) было отпущено отъ казны около пятидесяти шести тысячъ, по двадцати восьми тысячъ на каждое селеніе. Деньги эти были розданы дунганамъ на покупку скота, земледѣльческихъ орудій и другихъ сельско-хозяйственныхъ инструментовъ, на постройку домовъ, а также на пріобрѣтеніе сѣмянъ для посѣва; часть сѣмянъ на посѣвы дали и киргизы.

Дружно и энергично, наступившей весной, принялись дунгане за работу; они посѣяли много хлѣба, какъ то: пшеницы, кукурузы и т. п., послѣ чего начали себѣ строить домики въ чисто-китайскомъ вкусѣ, разводить сады и огороды, и къ концу лѣта у всѣхъ были дома и усадьбы, обнесенные глиняными заборами. Предводитель ихъ Біянъ-ху служилъ примѣромъ и здѣсь для своихъ единовѣрцевъ: онъ усиленно работалъ въ полѣ и дома, усердно ходилъ и за плугомъ и также старательно копался въ огородѣ, однимъ словомъ всѣ какъ мелочныя работы, такъ и болѣе крупныя и важныя онъ исполнялъ самъ, какъ и всякій простой дунганинъ; примѣръ его поощрялъ другихъ. Въ первые годы на Біянъ-ху возложено было управленіе и приведенными имъ дунганами; онъ разбиралъ всѣ ихъ споры и тяжбы, нерѣдко возникавшія между ними, но власть его была ограничена; ему между прочимъ воспрещено было рубить дунганамъ головы, хотя бы какъ кто ни провинился изъ его единовѣрцевъ, что онъ, будто бы, и хотѣлъ примѣнить въ одномъ случаѣ, какъ мнѣ передавали.

Съ недавняго времени дунгане, поселившіеся въ Пишпекѣ, пожелали приписаться въ мѣщане, въ чемъ имъ и

(*) Дунгане, живущіе нынѣ въ Пржевальскомъ уѣздѣ, пришли одновременно съ дунганами, живущими въ Каракунузѣ. Но изъ Кашгара, удобства ради, шли они другою дорогою и прошли въ Пржевальскъ черезъ перевалъ Бедель.

не было отказано, и, наравнѣ съ прочими мѣщанами, они несутъ всѣ повинности, въ томъ числѣ съ 1890 года они стали отбывать воинскую повинность. Покойный Н. М. Пржевальскій не ошибся, сказавъ, что изъ дунганъ выйдутъ „добрые и лихіе солдаты"; дѣйствительно принятые нами на службу, дунгане учатся весьма охотно, съ большимъ усердіемъ и стараніемъ они исполняютъ всѣ обязанности, и ни въ какихъ проступкахъ, на сколько мнѣ извѣстно, пока не были замѣчены. Совершенное незнаніе русскаго языка для поступившихъ на военную службу, правда, представляетъ въ первое время большое неудобство и усваиваніе его для нихъ довольно трудно, но молодые дунгане, поступившіе на службу, скоро справляются и съ этимъ неудобствомъ.

Заканчивая описаніе первыхъ шаговъ жизни дунганъ въ новомъ ихъ отечествѣ, мы, во имя справедливости, должны добромъ помянуть дѣятельность двухъ людей, положившихъ много трудовъ и не жалѣвшихъ своихъ силъ и здоровья, чтобы облегчить страданія множества тяжкихъ больныхъ дунганъ.—Люди эти, оказавшія имъ столь большія услуги, были: тогдашній токмакскій уѣздный врачъ Адамъ Викентьевичъ Пржегодскій и помощникъ его, нынѣ уже умершій, фельдшеръ Василій Михайловичъ Фрунзе. Доктору Пржегодскому одному со своимъ помощникомъ выпало на долю вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть громаднаго труда по уходу за тяжко-больными дунганами; болѣе сотни большихъ операцій, не считая малыхъ, пришлось сдѣлать ему одному при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ и почти при невозможной обстановкѣ, и располагавшему при томъ ничтожными вспомогательными средствами. И одиноко стоявшій врачъ, вдали, какъ говорится, отъ свѣта и людей, всю свою долгую службу проведшій въ степи, вооруженный только знаніемъ и горячею любовью къ ближнему, кто бы и откуда онъ ни былъ, вышелъ съ честью и славою изъ труднаго положенія, какое послала ему судьба. Первымъ пришелъ онъ со своимъ помощникомъ на помощь несчастнымъ, и какъ настоящій солдатъ, послѣднимъ оставилъ поле сраженія, оставилъ только тогда, когда все сдѣлалъ. Честь ему и слава! Истинный героизмъ духа проявляется въ систематическомъ трудѣ на благо ближняго, требующемъ неусыпнаго

вниманія и согрѣтомъ нѣжною заботливостью. Какъ и всякій чисто-мирный трудъ, не рекламируемый трескучими фразами, трудъ этотъ, конечно, не былъ оцѣненъ по достоинству, да признаться, никто и не помышлялъ о его оцѣнкѣ. Помощникъ его, покойный Василій Михайловичъ Фрунзе, не смотря на свое скромное служебное положеніе, былъ человѣкъ всегда отзывчивый къ нуждамъ ближняго и всегда во всякое время шелъ на помощь и помогалъ какъ умѣлъ и какъ могъ словомъ и дѣломъ; онъ оставилъ по себѣ добрую память среди крестьянъ и киргизовъ. По своему природному уму и знаніямъ онъ стоялъ выше многихъ изъ окружающихъ его. и занимавшихъ болѣе высокое, чѣмъ онъ общественное и служебное положеніе. Благодаря своему трудолюбію и занятію хозяйствомъ онъ достигъ было нѣкоторой обезпеченности, такъ что онъ могъ дать дѣтямъ своимъ образованіе въ гимназіи, для которыхъ онъ жилъ и трудился. Но времена и люди перемѣняются. Злоба и слѣпая ненависть его постигли... прежніе друзья и пріятели, раньше заискивавшіе въ немъ, а теперь дослужившіеся всякими правдами и неправдами до титулярнаго и даже до надворнаго, отвернулись и понесли всякую небылицу и нелѣпость на человѣка, что отразилось на его службѣ, другіе же просто начали вторить въ унисонъ болѣе сильнымъ... Доведенный до отчаянія, оскорбленный и гонимый, онъ долженъ былъ бѣжать изъ того общества, которому такъ долго служилъ и отдалъ лучшіе годы своей жизни, и нажитое кропотливымъ и тяжкимъ трудомъ имущество все пошло прахомъ. Разбитый нравственно, и разоренный матеріально, переживая страшныя душевныя муки, онъ умеръ одинокимъ вдали отъ родныхъ и немногихъ добрыхъ знакомыхъ. Да будетъ же ему земля легкой. Во всякомъ случаѣ какъ имя доктора Адама Викентьевича Пржегодскаго, такъ и его помощника Василія Михайловича Фрунзе заслуживаютъ нашей полной признательности, и имена ихъ, какъ дѣятелей, много потрудившихся и поработавшихъ на благо и пользу мѣстнаго общества въ томъ числѣ и для только что прибывшихъ въ такомъ критическомъ положеніи новыхъ нашихъ подданныхъ, дунганъ, должны быть записаны на страницахъ мѣстной лѣтописи крупными буквами, несмотря на скромное служебное положеніе послѣдняго.

Трудъ живой, производительный, ничѣмъ непарушаемый и непрерываемый есть залогъ всякаго успѣха и благодѣянія какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всей страны. Въ первый же годъ это сбылось и на только что пришедшихъ къ намъ дунганахъ. Къ осени на указанномъ выше мѣстѣ, которое такъ еще недавно было пустыннымъ и безжизненнымъ, вполнѣ сформировался и сложился поселокъ въ чисто-китайскомъ вкусѣ. Здѣсь уже кипѣла жизнь полная довольства и счастья. Вдоль улицъ, обсаженныхъ молодыми деревьями, весело и беззаботно бѣгали дѣти, предаваясь незамысловатымъ своимъ играмъ; старики спокойно и бодро смотрѣли въ будущее, и всѣ, кто могъ, молодые и взрослые, дружно работали, и страшное тяжелое прошлое, пережитое ими въ теченіи многихъ лѣтъ, стало все дальше и дальше уходить изъ ихъ памяти, при воспоминаніи о которомъ, и сравненіи съ настоящимъ положеніемъ, вырывался изъ груди вздохъ облегченія, и лучъ свѣтлой надежды и полнаго спокойствія съ каждымъ днемъ глубже проникалъ и заполнялъ ихъ сердца; счастливая и довольная улыбка озаряла лица всѣхъ, глаза свѣтились неподдѣльною радостью и они еще энергичнѣе и дружнѣе принимались за свой повседневный, живой и производительный трудъ.

XIV.

Годы тяжкихъ испытаній и лишеній прошли, какъ для этихъ дунганъ, добровольно принявшихъ подданство Россіи, такъ и для остальныхъ народовъ Средней Азіи, недавно еще вошедшихъ въ составъ великаго Русскаго Государства, и для всѣхъ ихъ настала пора новой и счастливой жизни! Наступило наконецъ и для этихъ народовъ время спокойнаго и мирнаго существованія, при которомъ единственно только и возможно дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе духовныхъ силъ и способностей какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа. Съ теченіемъ времени забудутся ими гнетъ и насилія ихъ деспотическихъ правителей, тяготѣвшихъ надъ ними въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ и доведшихъ ихъ до полной потери личнаго самосознанія; надо думать, что при новыхъ условіяхъ жизни ослабнетъ также слѣпой и узкій фанатизмъ исповѣдуемой ими мусульманской религіи съ ея деспотическимъ ученіемъ о предопредѣленіи,

окончательно парализовавшій ихъ умъ и волю, и тѣмъ убившій всякую самодѣятельность духа и творческой мысли. Пройдетъ конечно не мало времени, чтобы совершился этотъ переломъ въ ихъ духовной и нравственной жизни, но мы вѣримъ, что при благопріятныхъ условіяхъ жизни, созданныхъ Россіею для пріобщенныхъ ею народовъ Средней Азіи, духовныя силы и способности этихъ народовъ широко и блестяще разовьются и они также примутъ дѣятельное участіе въ культурной работѣ совмѣстно съ другими цивилизованными народами, гораздо ранѣе ихъ выступившими на путь прогресса и цивилизаціи, и настанетъ время, что эти, теперь жалкіе забитые и запуганные народы внесутъ долю своего оригинальнаго ума и своей самобытной мысли въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній на благо всѣхъ, и займутъ также почетное мѣсто наравнѣ съ другими народами, достигшими уже нынѣ высокой степени цивилизаціи и культуры. Встрѣчаются и теперь уже среди нихъ отдѣльныя личности, работающія съ честью и славою на поприщѣ научномъ и административномъ; при нормальныхъ же условіяхъ подобныя явленія должны повторяться все чаще и чаще, а это поведетъ къ обоюдной только выгодѣ, къ большему взаимному довѣрію и пользѣ общему дѣлу— въ смыслѣ духовнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія каждой изъ сторонъ. И вѣковыя среднеазіатскія степи и пустыни оживутъ и покроются цвѣтущими городами и селеніями, и гдѣ прежде, широкой волной, безпричинно проливалась человѣческая кровь, здѣсь будутъ дружно трудиться и работать люди, безъ различія ихъ званія и народности, кто къ которой принадлежитъ, но воодушевленные чистою любовью къ правдѣ и къ ближнему и вооруженные лишь одними мирными научными средствами и пособіями, и всѣ сойдутся во взаимномъ братскомъ довѣріи другъ къ другу... Но это дѣло отдаленнаго будущаго... И мы въ настоящее время по мѣрѣ нашихъ слабыхъ силъ и средствъ должны содѣйствовать къ достиженію и къ скорѣйшему осуществленію такой цѣли.

А теперь скажемъ, что принятые нами дунгане оказались людьми замѣчательно трудолюбивыми и честными, благодаря столь дорогимъ своимъ качествамъ, въ новомъ своемъ отечествѣ въ короткое время, говоримъ это нисколько

не преувеличивая, они достигли блестящаго матеріальнаго благосостоянія; всѣ они безъ исключенія въ настоящее время вполнѣ зажиточные люди, ни въ чемъ не терпящіе нужды, но много между ними есть и богатыхъ. Подчеркиваемъ слѣдующій фактъ, что несмотря на малую численность переселившихся къ намъ дунганъ сравнительно съ численностію кореннаго туземнаго населенія и пришлаго русскаго люда, они уже съ самаго начала, по своемъ прибытіи, оказали замѣтное вліяніе и притомъ въ лучшую сторону на экономическую жизнь обширнаго здѣшняго края. Благодаря этимъ дунганамъ, въ казнѣ ежегодно остается не одинъ десятокъ тысячъ рублей, такъ какъ съ приходомъ ихъ всякаго рода перевозка и доставка тяжестей и кладей сдѣлалась весьма и весьма дешевле, и притомъ доставка всѣхъ кладей стала происходить гораздо скорѣе и быстрѣе, что имѣетъ конечно большое значеніе. Дунганинъ не знаетъ усталости, онъ ѣдетъ день и ночь; времени для отдыха ему потребно лишь столько, сколько нужно для того, чтобы выкормить лошадей; разъ выкормъ лошади окончился, въ какое бы время дня и ночи это ни случилось, и онъ ѣдетъ далѣе. Всѣ свои работы дунгане исключительно производятъ при помощи лошадей, за которыми они большіе мастера ухаживать и умѣютъ ихъ отлично выращивать. Изъ слабосильной и малорослой киргизской лошади дунгане, путемъ тщательнаго и разумнаго ухода и кормленія, добились получить крѣпкую, сильную и рослую лошадь, способную перевозить на далекое разстояніе большія тяжести, и дунгане цѣнятъ поэтому своихъ лошадей очень дорого. Кромѣ того съ приходомъ ихъ значительно понизились цѣны на всѣ жизненные продукты и припасы, начиная съ продуктовъ первой необходимости и кончая даже предметами роскоши. Они въ обиліи разводятъ всѣ огородныя овощи, какъ-то лукъ, картофель, рѣдиску и проч. и проч. Посѣвомъ хлѣба дунгане также занимаются въ широкихъ размѣрахъ. Работы на всякаго рода мастерства также упали въ цѣнѣ—дунгане отличные кузнецы, слесари и знающіе плотники. Но помимо всего этого, громадная заслуга за ними та, что они ввели въ край новую, дотолѣ неизвѣстную, отрасль сельскаго хозяйства, а именно: разведеніе риса, посѣвами котораго съ каждымъ годомъ дунгане занимаются все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Рисъ, ими воздѣлываемый, оказался

прекраснаго качества и, увеличивающійся ежегодно сбытъ его, идетъ далеко за предѣлы области. Но самое дорогое и главное качество, которымъ обладаютъ дунгане, это то, что они всякаго рода порученія и обязательства выполняютъ честно и строго-аккуратно; на слово, данное дунганиномъ, можно положиться вполнѣ, не дѣлая никакихъ формальныхъ договоровъ и условій, такъ по крайней мѣрѣ было въ первые годы по ихъ приходѣ; за что берутся дунгане, можно быть вполнѣ увѣреннымъ и спокойнымъ, что они все сдѣлаютъ аккуратно и добросовѣстно, но въ свою очередь и отъ другихъ они требуютъ того же самаго и поэтому ничего своего, даже самаго малѣйшаго, дунгане никому и ни въ чемъ не уступятъ. Теперь начали доходить до меня слухи, что дунгане стали попадаться въ разныхъ неблаговидныхъ проступкахъ, будто-бы въ мошенничествѣ и воровствѣ. Въ первые 10—14 лѣтъ за ними ничего подобнаго не водилось, это намъ говорили многое множество разъ тѣ, которые постоянно и близко жили около нихъ и имѣли съ ними частыя сношенія; честностью и добросовѣстностью дунганъ они не могли нахвалиться, но если это такъ, какъ теперь говорятъ, то безспорно, это—печальное явленіе и такое деморализирующее вліяніе, не обинуясь, приходится приписать окружающему населенію,—киргизамъ, сартамъ и русскимъ,—дунгане вѣдь очень мстительны. По нашимъ разспросамъ, какъ въ окружномъ судѣ, такъ и у уѣздныхъ судей, дѣлъ дунганскихъ, имѣющихъ уголовный характеръ, или такихъ дѣлъ, въ которыхъ дунгане были бы вообще замѣшаны, очень и очень мало, а раньше ихъ совсѣмъ не было. Отрицательныя черты ихъ характера слѣдующія: они раздражительны, запальчивы, злы и мстительны, но что они честны и случаевъ воровства какъ у постороннихъ, такъ и между собою, не бываетъ; если же и встрѣчаются иногда, то это скорѣе вызывается съ ихъ стороны желаніемъ или жаждою отомстить. Уходя изъ дома, всѣ запоры дунганъ ограничиваются лишь тѣмъ, что они на двери дома накидываютъ закладку, въ которую иногда вкладываютъ деревянную палочку, но большинство ограничивается тѣмъ, что притворяютъ ворота своего двора, и этого вполнѣ достаточно: заперевъ такимъ образомъ свое имущество, каждый уходящій вполнѣ увѣренъ и спокоенъ, что никто, даже самый близкій сосѣдъ, не посмѣетъ войти въ домъ и взять что либо. Какъ

хотите, а это—простота еще библейская. Если же по истеченіи 20—24 лѣтъ нравы и характеръ дунганъ нѣсколько испортились, то въ этомъ виноваты другіе и объ этомъ приходится только отъ души пожалѣть. Въ жизни же своей дунгане въ высшей степени воздержны, нетребовательны, довольствуются и ограничиваются лишь самымъ малымъ и необходимымъ; роскошь имъ неизвѣстна. Даже очень богатые люди по своему образу жизни ничѣмъ не отличаются отъ всѣхъ остальныхъ.

Не разъ уже нами упоминавшійся ранѣе, знаменитый проф. и академикъ Василій Павловичъ Васильевъ такъ писалъ по поводу этихъ самыхъ дунганъ: „отъ дунганъ мы должны ожидать большей пользы для государства, чѣмъ отъ таранчей, и въ культурномъ отношеніи: такихъ подданныхъ, какъ таранчи, у насъ множество: обитатели всего Туркестана не разнятся отъ нихъ какъ въ складѣ мыслей, такъ и въ пріемахъ практической жизни. Дунгане внесутъ съ собою культуру китайской жизни. Хотя, конечно, къ намъ перешелъ болѣе народъ, державшій дотолѣ въ рукахъ оружіе, но вѣдь въ Китаѣ солдаты не были прежде обременены военной службой; они и на караулъ ходили съ трубочкой да съ матеріалами своего ремесла. Наши дунгане, сколько извѣстно, принялись у насъ уже за хлѣбопашество, зарабатываютъ у насъ хлѣбъ мастерствами. Мы знаемъ, что китайцы не только превосходные земледѣльцы, садовники, огородники, но отличаются въ ремеслахъ: они выдѣлываютъ превосходный кирпичъ, отличные гончары, способны ко всѣмъ ремесламъ, слѣдовательно *дунгане будутъ очень полезны для культуры края* (курсивъ нашъ), который недавно еще сталъ разрабатываться и изъ кочевьевъ и дебрей превращаться въ населенную мѣстность(*)“.—Слова проф. Васильева, какъ мы выше видѣли, вполнѣ оправдались относительно значенія дунганъ для культуры края и къ только что сказанному этимъ ученымъ мы добавимъ, что край этотъ изъ кочевьевъ и дебрей сталъ превращаться не только въ населенную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и культурную мѣстность. Правда, процессъ этотъ совершается медленно, и даже съ трудомъ, но все же онъ происходитъ и идетъ впередъ; въ этомъ уже заключается прочный залогъ для дальнѣйшаго развитія и

(*) Китайцы, новые подданные Россіи, проф. **В. П. Васильева**, «Восточное Обозрѣніе», 1884 г. № 2.

благосостоянія края и его обитателей какъ коренныхъ, такъ и пришлыхъ. —„Для достиженія высшаго развитія человѣчество ведетъ трудную, мучительную и медленную борьбу, говоритъ недавно умершій проф. Э. Ю. Петри, но борьба эта небезплодна, и просвѣтительныя идеи, составляющія наше лучшее достояніе, называемое нами гуманностью, растутъ вмѣстѣ съ самимъ человѣчествомъ и распространяются все далѣе и могущественнѣе (*)".

Этимъ я пока и закончу настоящую статью. Печальны и прискорбны сообщаемые факты, но что же дѣлать, мнѣ передавать ихъ также было тяжело и больно, но правда и справедливость прежде всего. Таковы были первые шаги вступленія дунганъ въ предѣлы Россіи и тотъ пріемъ, который они встрѣтили со стороны господствующаго здѣсь русскаго населенія.

Я сказалъ, что дунгане достигли въ короткое время у насъ блестящаго матеріальнаго благосостоянія благодаря своему замѣчательному трудолюбію и своей честности, но это благосостояніе еще не даетъ, какъ извѣстно, душевнаго спокойствія; оно не можетъ еще служить мѣриломъ нравственнаго и духовнаго ихъ благоденствія. Какъ нельзя болѣе наглядно это подтвердилось и на дунганахъ. Вскорѣ между ними самими пошли большія распри, крупные раздоры и несогласія, часто оканчивающіеся драками, а иногда даже и убійствомъ кого либо. Весь поселокъ Каракунузъ раздѣлился на двѣ сильно враждующія между собою партіи, изъ коихъ одна партія, называется якши, а другая яманъ. Много стоило трудовъ и хлопотъ, чтобы примирить между собою эти партіи, но всѣ усилія и старанія нашей администраціи не привели ни къ какимъ результатамъ И вотъ уже не менѣе 20 лѣтъ, какъ идетъ эта вражда и ненависть между самими каракунузскими дунганами, тѣми самыми дунганами, которые когда то дружно и энергично боролись противъ общаго злѣйшаго своего врага—китайцевъ. Что же за причина такой жестокой и непримиримой злобы и ненависти этихъ дунганъ между собою? Но объ этомъ до другого раза, такъ какъ и безъ того наша статья вышла очень длинная.

Θ. Поярковъ.

(*) Причины вымиранія народовъ низшей культуры, проф. Э. Ю. Петри. Статья эта появилась сперва въ нѣмецкомъ журналѣ Globus, а послѣ переведена была въ «Восточн. Обозрѣніи».

Библиотека Географического Общества